

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1903—06 г.

МАНФРЕДЪ

БАЙРОНА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1903—06 г.

КАНУНЪ КУПАЛЫ.

Не туманъ бѣлѣетъ въ темной рощѣ—
Ходитъ въ темной рощѣ Богоматерь.
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
Застятъ ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро—пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ—пали росы,
Пахнетъ подъ росою медуница,
Золотой вѣнецъ по рощамъ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
Голубыя очи—точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ божьему престолу.

Скоро ночь—имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ—солнце сгубить зноемъ.
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

„Погляди, возлюбленное чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мѣръ Смерть—она и Жизнью править“.

Но Христось Ей молвить: „Мать! не солнце—
Только землю тьма ночная кроетъ:
Смерть не сѣмя губить, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

„И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скосить Смерть—Любовь опять посѣтетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!“

ПОЛЮСЪ.

Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда
Воздвигла Смерть. Надъ чумомъ—ночь полгода.
И блѣдная Полярная Звѣзда
Горитъ недвижно въ безднѣ небосвода.

Вглядись въ гигантскій призракъ. Это Смерть.
Она сидитъ близъ чума, устремила
Незрячій взоръ въ полуночную твердь—
И навсегда звѣзда надъ ней застыла.

• ЖИЗНЬ.

Набѣгаетъ впотъмахъ
И узорною пѣною свѣтится
И лазурнымъ сіяніемъ рѣетъ у скалъ на пескѣ...
О, божественный отблескъ таинственной жизни, мерцающей
Въ мириадахъ незримыхъ существъ!

Ночь была бы темна,
Но все море насыщено тонкою
Пылью свѣта, и звѣзды надъ моремъ горятъ.
Въ полусвѣтѣ все видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежныхъ холмовъ.

Въ полусвѣтѣ ночномъ
Подъ обрывами волны качаются —
Переполнено зыбкое звѣздное зеркало волнъ!
Но, колеблясь упруго, лишь изрѣдка складки тяжелыя
Набѣгаютъ на влажный песокъ.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическимъ пламенемъ,
Разсыпаясь по гравію кипенью блѣдныхъ огней,
Море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственно, тонко и трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны,
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры,—несмѣтная
Искры синяго пламени,—Жизнь.

О, божественный свѣтъ!
О, великое зеркало водное!
Переполнено ты,—переполнена жизнью Земля.
Все мгновенно, все—искры, но искры Единого, Вѣчнаго,
И во всемъ—Красота, Красота!

* ХРИЗАНТЕМЫ.

На окнѣ, серебряномъ отъ инея,
Точно хризантемы расцвѣли.
Въ верхнихъ стеклахъ—небо яркое-синее
И застрѣха въ снѣговой пыли.

Всходитъ солнце, бодрое отъ холода,
Золотится отблескомъ окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Бѣлымъ снѣгомъ все запушено.

И все утро яркія и чистыя
Буду видѣть краски въ вышинѣ,
И до полдня будутъ серебристыя
Хризантемы на моемъ окнѣ.

ЖАСМИНЪ.

Цвѣтетъ жасминъ. Зеленой чашей
Иду надъ Терекомъ съ утра.
Вдали встаетъ простой, блестящій
И четкій конусъ серебра.

Рѣка шумить, вся въ искрахъ свѣта,
Жасминомъ пахнетъ жаркій лѣсъ.
А тамъ, вверху—зима и лѣто:
Январскій снѣгъ и синь небесъ.

Лѣсъ замираетъ, млѣетъ въ зноѣ,
Но тѣмъ пышнѣй цвѣтетъ жасминъ.
Въ лазури яркой—неземное
Великолѣпіе вершинъ.

ВЪ ПОРТУ.

Огромный, красный, старый пароходъ
У мола сталь, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣть молъ и, радостно синѣя,
Безоблачный сіяетъ небосводъ.

Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Морской водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ. И спитъ пахучій портъ,
Спятъ грузчики. Бѣлѣть молъ безлюдный.

Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ ракушкахъ. Ихъ слой зелено-ржавый
Наросъ давно... У Суматры, у Явы,
Въ Великомъ Океанѣ... въ зной и штиль.

Мальчишка-негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадѣ, по борту, краситъ бакъ —
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальныя восходятъ арабески.

И лакъ блестить подь черною рукой,
Слѣпить глаза... И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поеть... Простой напѣвъ Судана
Звучить въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

» САПСАНЪ.

А. М. Федорову.

Въ поляхъ, далеко отъ усадьбы,
Зимуетъ просяной ометъ.
Тамъ табунятся волчьи свадьбы,
Тамъ клочья шерсти и пометъ.
Воловы ребра у дороги
Торчатъ въ снѣгу—и спалъ на нихъ
Сапсанъ, стервятникъ космоногій,
Готовый взвиться каждый мигъ.

Я застрѣлилъ его. А это
Грозитъ бѣдой. И вотъ ко мнѣ
Сталъ волкъ ходить. Онъ до разсвѣта
Вкругъ дома бродитъ при лунѣ.
Я не видалъ его. Я слышалъ
Лишь хрустъ шаговъ. Но спать не въ мочь.
На третью ночь я въ поле вышелъ...
О, какъ была печальна ночь!

Когтистый слѣдъ въ снѣгу глубокомъ
Въ глухія степи вель съ гумна.
На небѣ мгlistомъ и высокомъ
Плыла полночная луна.
За валомъ, надъ привадой въ ямѣ,
Сѣрдъ маячила ветла.
Даль надъ пустынными полями
Была таинственно-свѣтла.

Облитый этимъ страннымъ свѣтомъ,
Подавленъ мертвой тишиной,
Я сталь—и блѣднымъ силуэтомъ
Упала тѣнь моя за мной.
По небесамъ, въ туманной мути,
Сіяя, лунный ликъ нырять
И серебристымъ блескомъ ртути
Слюду по насту озарять.

Кто былъ онъ, этотъ полуночный
Незримый гость? Откуда онъ
Ко мнѣ приходитъ въ часъ урочный
Черезъ сугробы подъ балконъ?
Иль онъ узналъ, что я тоскую,
Что я одинъ? Что въ домъ ко мнѣ
Лишь снѣгъ да небо въ ночь глухую
Глядятъ изъ сада при лунѣ?

Быть можетъ, онъ сегодня слышалъ,
Какъ я, покинувъ кабинетъ,
По темной спальнѣ въ залу вышелъ,
Гдѣ въ сумракѣ мерцалъ паркетъ,
Гдѣ въ окнахъ небеса синѣли,
А въ этой сини четко всталъ
Чернозеленый конусъ ели
И острый Сиріусъ блисталъ?

Теперь луна была въ зенитѣ,
На небѣ плылъ густой туманъ
Я ждалъ *его*,—я шель къ ракетѣ
По насту снѣговыхъ полянъ,
Я шель убить, я слушалъ чутко
Малѣйшій звукъ... Но отчего
Мнѣ было въ эту ночь такъ жутко
И за себя, и за него?

Онъ былъ мой врагъ, мы оба ждали
Смертельной встрѣчи. Ужъ не разъ
Мы другъ за другомъ наблюдали
Въ глухую ночь, въ полночный часъ.
Въ безлюдьи, на равнинѣ дикой,
Мы оба знали, что живемъ
Ея таинственной, великой
Зловѣщей чуткостью—вдвоемъ.

Но эта тишина пугала,
Въ ней крылось колдовство Судьбы...
И не Судьба-ль подстерегала?
Она, она! А мы—рабы,
И оба одиноки въ полѣ,
И оба жалки... И одной
Обречены печальной долѣ:
Стеречь другъ друга въ часъ ночной...

И все же только мѣткость пули
Одна могла спасти меня,
И если-бъ предо мной блеснули
Два фіолетовыхъ огня,
И если-бъ врагъ мой отъ привады
Внезапно прянулъ на сугробъ,—
Я-бъ изъ винтовки безъ пощады
Пробиль его широкій лобъ!

Но онъ не шелъ. Луна скрывалась,
Луна сіяла сквозь туманъ,
Бѣжала мгла... И мнѣ казалось,
Что на снѣгу сидитъ Сапсанъ.
Морозный иней, какъ алмазы,
Сверкалъ на немъ, а онъ дремалъ,
Сѣдой, зобастый, круглоглазый,
И въ крылья голову вжималъ.

И былъ онъ страшень, непонятень,
Таинственень, какъ этотъ бѣгъ
Туманной мглы и свѣтлыхъ пятень,
Порою озарявшихъ снѣгъ,—
Какъ воплотившаяся сила
Той Воли, что въ полночный часъ
Насъ страхомъ всѣхъ соединила—
И сдѣлала врагами насъ.

Онъ умерщвленъ. Но онъ—эмблема
Той дикой жизни, тѣхъ степей,
Гдѣ эта грубая поэма
Слагалась въ душѣ моей.
Онъ умерщвленъ. Но нѣтъ прощенья
За смерть его, сказалъ башкирь:
Онъ геній зла, онъ дьяволъ мщенья,
Онъ дьяволъ, покоровшій міръ.

ИНЕЙ.

Лѣса въ жемчужномъ инеѣ. Морозно.
Поетъ изъ телеграфнаго столба
То весело, то жалобно, то грозно
Звѣнящимъ гуломъ темная судьба.

Молчить и внемлетъ бѣлая долина.
И все побѣднѣй, ярче и пышнѣй
Горить, дрожить и блещетъ хвостъ павлина
Стоцвѣтными алмазами надъ ней.

РУССКАЯ ВЕСНА.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ, среди улицы—мужи,
Зола и весенняя грязь.
Въ избахъ—угарь, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.

Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ—темно отъ угара,
Туманно и тихо—въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь.

ОДИНОЧЕСТВО.

П. А. Нилусу.

И вѣтеръ, и дождикъ, и мгла
Надъ холодной пустыней воды.
Здѣсь жизнь до весны умерла,
До весны опустѣли сады.
Я на дачѣ одинъ. Мнѣ темно
За мольбертомъ—и дуетъ въ окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебѣ ужъ тоскливо со мной.
Подъ вечеръ ненастнаго дня
Ты мнѣ стала казаться женой...
Что жъ, прощай! Какъ-нибудь до весны
Проживу и одинъ—безъ жены...

Сегодня идутъ безъ конца
Тѣ же тучи—гряда за грядой.
Твой слѣдъ подъ дождемъ у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мнѣ болчно глядѣть одному
Въ предвечернюю сѣрую тьму.

Мнѣ крикнуть хотѣлось вослѣдъ:

„Воротись—я сроднился съ тобой!“

Но для женщины прошлаго нѣтъ:

Разлюбила—и сталъ ей чужой.

Что жъ! Каминъ затоплю, буду пить..

Хорошо бы собаку купить.

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Воткнувъ копье, онъ сбросилъ шлемъ и легъ.
Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жегъ...
Осенней сушью жарко дуло съ юга.

И умеръ онъ. Окостенѣлъ, застылъ,
Припавъ къ землѣ тяжелой головою.
И вѣтеръ волосами шевелилъ,
Какъ ковылемъ, какъ мертвою травою,

И муравьи закопошились въ нихъ...
Но равнодушно все вокругъ молчало,
И далеко среди полей нагихъ
Копье, въ курганъ воткнутое, торчало.

* ПОРТРЕТЪ.

Платанъ, часовенка надъ склепомъ,
Вѣнки, лампадки, образа
И въ рамѣ, перевитой крепомъ,—
Большіе ясные глаза.

Сквозь пыль на стеклахъ, жаркимъ свѣтомъ
Внутри часовенка горить.
„Зачѣмъ я въ склепѣ въ полдень, лѣтомъ?“—
Незримый кто-то говорить.

Кокетливо-проста прическа
И пелеринка на плечахъ...
А тутъ повсюду—капли воска
И банты крепа на свѣчахъ,

Вѣнки, лампадки, пахнетъ тлѣньемъ...
И только этотъ милый взоръ
Глядитъ съ веселымъ изумленьемъ
На этотъ погребальный вздоръ.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Угрюмый варваръ, сынъ Востока,
Я цѣлый день живу одинъ
При устьи горнаго потока,
Въ ущельи знойныхъ Апеннинъ.

Песокъ, сребристый и горячій,
Вожу я къ морю на волахъ,
Чтобъ усыпать дорожки къ дачѣ,
Какъ снѣгъ, бѣлѣющей въ скалахъ.

И скучно мнѣ. Все то же, то же:
Волы, скрипучій трудный путь,
Изсохшее рѣчное ложе,
Песокъ, сверкающій, какъ ртуть.

И клонить голову дремота.
И мнится, что ужъ много лѣтъ
Я вижу кожу бегемота—
Горы морщинистый хребетъ,

И моря синій треугольникъ,
И къ морю длинный слѣдъ колесъ...
Я покорился. Я, невольникъ,
Живу лишь соннымъ ядомъ грезъ.

МИРА.

Тебя зовутъ божественною, Мира,
Царицею въ созвѣздіи Кита.
Таинственна, какъ талисманы Пирра,
Твоей недолгой жизни красота.

Ты, какъ слеза, прозрачна и чиста,
Ты, какъ рубинъ, блистишь среди зэира,
Но не за блескъ и дивные цвѣта
Тебя зовутъ божественною, Мира.

Ты въ сонмѣ звѣздъ, среди ночныхъ огней
Нѣжнѣе всѣхъ. Не ты одна играешь,
Какъ самоцвѣтъ: есть ярче и пышнѣй.

Но ты живешь. Ты меркнешь, умираешь—
И вновь горишь. Какъ фениксъ древнихъ дней,
Чтобъ возродиться къ жизни—ты сгораешь.

ВЪ ПЛАВНЯХЪ.

Тамъ, на припекѣ, спять рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водой склоняются кистями
Темнозеленые густые камыши;
Полдневный вѣтерокъ змѣистыми струями

Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ сребристыми крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души—
И снова плавни спять, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небосводъ,
Нерѣдко облако восходить и глядится
Блистающимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ—

И какъ свѣтло тогда въ бездонной чашѣ водъ!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится!

ТЛѢНЪ.

Въ гостиную, сквозь садъ и пыльные гардины,
Струится изъ окна веселый лѣтній свѣтъ,
Хрустальнымъ золотомъ ложасть на клавесины,
На ветхіе ковры и выцвѣтшія паркетъ.

Вкругъ дома—глушь и дичь. Тамъ клены и осины,
Пріюты горлинокъ, шиповникъ, бересклетъ...
А въ домѣ—рухлядь, тлѣнъ: повсюду паутины,
Всѣ двери заперты... И такъ ужъ много лѣтъ.

Въ глубокой тишинѣ, таинственно сверкая,
Какъ мелкій перламутръ, беззвучно моль плыветъ.
По стекламъ радужнымъ, какъ бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуетъ.

Но фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ—глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ!

ПЕРЕКРЕСТОКЪ.

Я долго въ сумеречномъ свѣтѣ
Шелъ одиноко на закатъ.
Но тьма росла—и съ перекрестка
Я тихо повернулъ назадъ.

Чуть брезжилъ полусвѣтъ заката.
Но послѣ свѣта какъ мертва,
Какъ величава и угрюма
Ночного неба синева!

И блѣдны, блѣдны звѣзды въ небѣ...
И долго быть мнѣ въ темнотѣ,
Пока онѣ теплѣй и ярче
Не засіяютъ въ высотѣ.

Ночь молчалива... Но къ молчанью
Привыкну я... А звѣздный свѣтъ
Взойдетъ тогда, когда угаснетъ
Былого дня печальный слѣдъ.

СЪ ОБРЫВА.

Стремнина скаль. Волной желѣзной
Здѣсь плоскогорье поднялось
И надъ зіяющею бездною,
Оцѣпенѣвъ, оборвалось.

Здѣсь небо ясно,—слой тумана
Ползеть подъ нами, какъ драконъ,—
И моря синяя нирвана
Виситъ въ пространствѣ съ трехъ сторонъ.

Но дико здѣсь. Какъ руки фурій,
Торчитъ надъ бездною изъ скаль
Колючій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагалъ.

И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

НА ДАЧЪ.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Но розовѣтъ пепель небосклона—
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь отъ узорной туйи у балкона.

Пойдемъ къ обрывамаъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море.

Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ, двѣ турецкихъ бригантины.
Вотъ поднимають парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы—изумруды и рубины.

Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

НА УЩЕРБЪ.

Черныя ели и сосны сквозятъ въ палисадникѣ темномъ:
Въ черномъ узорѣ вѣтвей—мѣсяца рогъ золотой.

Слышу—поютъ пѣтухи. Узнаю по напѣвамъ печальнымъ
Позднюю зимнюю ночь. Что жъ разбудило меня?

О, я сквозь сонъ уловилъ: настаетъ сокровенный и чуткій
Часъ угасанья луны!—Въ сумракѣ спальни разлить

Свѣтъ золотистый, и тѣнь отъ рамъ на полу чуть замѣтна:
Прѣбило время вставать. Звонко теперь на дворѣ—

Замерло все на морозѣ, лучатся морозныя звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху,

Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣсяцъ,
Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ

И самоцвѣтныя звѣзды: янтарно-зеленый Юпитеръ,
Сиріусъ—дерзкій сапфиръ, синимъ горящій огнемъ,

Альдебарана рубинъ, алмазную цѣль Оріона
И уходящій на югъ призракъ сребристый—Аргò!

МОРОЗЪ.

Такъ ярко звѣздъ горитъ узоръ,
Такъ ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снѣгомъ дворъ
Весь и блеститъ, и фосфорится.

Свѣтъ серебристо-голубой,
Свѣтъ отъ созвѣздій Оріона,
Какъ въ сказкѣ, льется надъ тобой
На снѣгъ морозный съ небосклона.

И фосфоромъ дымится снѣгъ,
И видно, какъ мерцаетъ нѣжно
Твой ледяной душистый мѣхъ,
На плечи кинутый небрежно,

Какъ серьги длинныя блестятъ,
И потемнѣвшія зѣницы
Съ восторгомъ жадности глядятъ
Сквозь серебристыя рѣсницы.

СЪВЕРНАЯ БЕРЕЗА.

Надъ озеромъ, надъ заводью лѣсной—
Нарядная зеленая береза.

— „О, дѣвушки! Какъ холодно весной:
Я вся дрожу отъ вѣтра и мороза!“

То дождь, то градъ, то снѣгъ, какъ бѣлый пухъ,
То солнце, блескъ, лазурь и водопады.

— „О, дѣвушки! Какъ весель лѣсъ и лугъ!
Какъ радостны весенніе наряды!“

Опять, опять нахмурилось,—опять
Мелькаетъ снѣгъ и боръ гудить сурово.

— „Я вся дрожу. Но только бѣ не измятъ
Зеленыхъ лентъ! Вѣдь солнце будетъ снова“.

ОДИНЪ.

Въ сумракѣ утра проносится призракъ Одина —
Тамъ, гдѣ кончается свѣтъ.
Сѣверный вѣтеръ, Одину вослѣдъ,
На побережьяхъ Лохлина
Гонить туманы морей по землѣ,
Свищетъ по вереску... Тѣнь исполина
Вдругъ вырастаетъ во мглѣ —
Правитъ коня на побережья Лохлина.
Конь по холоднымъ туманамъ идетъ,
Тонетъ, плыветъ и ушами прядетъ,
Бѣлымъ дыханіемъ по вѣтру пышетъ,
Вереска свистъ завывающей слышитъ,
Голову тянетъ къ нему... А взмахнетъ
Вѣтеръ морской—и въ туманахъ Лохлина
Шлемъ золоченый блеснетъ!
— Утромъ проносится призракъ Одина.

БАЛЬДЕРЪ.

Хаду—слѣпецъ, онъ жалокъ. Мракъ глубокій
Скрываетъ свѣтъ и правду отъ него.
Но, чадо тьмы, онъ весь во власти Локи—
Онъ на-смерть поражаетъ божество.

И все же міръ лишь жаждой свѣта дышитъ!
И Солнце, погребенное во тьму,
Изъ гроба тьмы, изъ бездны ада слышитъ,
Что міръ въ тоскѣ взываетъ лишь къ нему.

И дрогнетъ тьма! И вспыхнетъ на востокѣ
Воскресшій Свѣтъ! И боги пригвоздятъ
Тебя, какъ пса, къ граниту горь, о Локи!
И будетъ змѣй, свирѣпый и стоокій,
Точить со скалъ на темя Локи—ядъ!

ДИЗА.

Вечернее зимнее солнце
И вѣтеръ межъ сосенъ играютъ,
Алѣютъ снѣга, а въ свѣтлицѣ
Янтарныя пятна мелькаютъ.

Узорныя тѣни отъ сосенъ,
Играя, сквозятъ позолотой
И по столу ходятъ; но тихо
Склонилась она за работой.

На бронзу волосъ, на ланиты,
На пальцы и руки широко
Вечернее льется сіянье,
А думы далеко, далеко.

Тяжелое зимнее море
Грохочетъ за фьордомъ въ утесахъ
И стелется пѣ-вѣтру пѣна
И стынетъ на снѣжныхъ откосахъ;

Качаются съ криками чайки
И падаютъ въ пѣну, и таютъ...
Но звонкой весенней слюдою
Давно ужъ откосы блистаютъ!

Пусть ночи пожарами свѣтятъ
И рдѣютъ закаты, какъ раны,
Пусть вѣтеръ бушуетъ,—онъ съ юга,
Онъ гонитъ на сѣверъ туманы!

Пусть милый далеко,—онъ вѣренъ...
И вотъ на вечернее солнце,
На снѣгъ, на зеленя вѣтви
Она заглядѣлась въ оконце.

Забыты узоры цвѣтные,
Забыты точеные пальцы.
И тихо косою играютъ
Прозрачные тонкіе пальцы.

И тихо алѣютъ ланиты,
Сіяя, какъ снѣгъ, бѣлизною,
И взоры такъ мягки и ярки,
Какъ синее небо весною.

НАДПИСЬ НА ЧАШѢ.

Древнюю чашу нашель онъ у шумнаго синяго моря,
Въ древней могилѣ, на дикомъ песчаномъ побережьи.
Долго трудился онъ; долго слагалъ воедино
То, что гробница хранила три тысячи лѣтъ, какъ святыню,
И прочиталъ онъ на чашѣ
Древнюю повѣсть безмолвныхъ могилъ и гробницъ:
„Вѣчно лишь море, безбрежное море и небо,
Вѣчно лишь солнце, земля и ея красота,
Вѣчно лишь то, что связуетъ незримою связью
Душу и сердце живыхъ съ темной душою могилъ“.

ПЕЧАЛЬ.

На дикихъ скалахъ, среди развалинъ—
Рать кипарисовъ. Она гудитъ
Подъ вѣтромъ съ моря. Угрюмъ, печалень
Пустынный островъ, нагой гранитъ.

Ужь берегъ темень—заходятъ тучи.
Какъ крылья чаекъ, среди камней
Мелькаетъ пѣна. Прибой все круче,
Порывы вѣтра—все холоднѣй.

И кто-го скорбный, въ одеждѣ темной,
Стоитъ надъ моремъ... Вдали—печаль
И сумракъ ночи... Мы всѣ бездомны,
Всѣ безпріютны, но смотримъ—въ даль.

ОГНИ НЕБЕСЪ.

Огни небесъ, тотъ серебристый свѣтъ,
Что мы зовемъ мерцаньемъ звѣздъ небесныхъ,—
Порою только неугасшій свѣтъ
Уже давно померкнувшихъ планетъ,
Свѣтиль, давно забытыхъ и безвѣстныхъ.

Та красота, что мѣръ стремится впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умреть
Жизнь, что горѣла въ насъ когда-то.

И много въ мѣрѣ избранныхъ, чей свѣтъ,
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много, много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ,
Кто знаетъ ихъ? Быть можетъ, лишь поэтъ.

СТАТУЯ РАБЫНИ-ХРИСТИАНКИ.

Не скрыть отъ дерзкихъ взоровъ наготы,
Но навсегда я очи опустила:
Не жаль земной, мгновенной красоты, —
Я красоту небесную сокрыла.

МОГИЛА ПОЭТА.

Мраморъ гробницы его—въ скорбной толпѣ кипарисовъ:
Радостнѣй свѣтитъ межъ нихъ синее лоно небесъ.
Ангель изваянь надъ нимъ съ опрокинутымъ свѣточемъ жизни:
Ярче пылаеть огонь, смертью поверженный ницъ!

ПРИЗРАКИ.

Нѣтъ, мертвые не умерли для насъ!
Есть старое шотландское преданье,
Что тѣни ихъ, незримыя для глазъ,
Въ полночный часъ къ намъ ходятъ на свиданье,

Что пыльныхъ арфъ, висящихъ на стѣнахъ,
Таинственно касаются ихъ руки
И пробуждаютъ въ дремлющихъ струнахъ
Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками преданія зовемъ,
Мы глухи днемъ, мы дня не понимаемъ;
Но въ сумракъ мы сказками живемъ
И тишинѣ довѣрчиво внимаемъ.

Мы въ призраки не вѣримъ; но и насъ
Томить любовь, томить тоска разлуки.
Я имъ внималъ, я слышалъ ихъ не разъ
Тѣ грустные и сладостные звуки.

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА.

Она молчить, она теперь спокойна.
Но радость не вернется къ ней: въ тотъ день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, протилась съ нею радость.

Она молчить,—ея душа теперь
Пуста, какъ намогильная часовня,
Гдѣ надъ нѣмой гробницей день и ночь
Горить неугасимая лампада.

ВЕРШИНА.

Лѣса, скалистыя тѣснины—
И цѣлый день, въ концѣ тѣснинъ,
Громада снѣговой вершины
Изъ-за лѣсныхъ глядитъ вершинъ.

Селеній нѣтъ, ущелья дики,
Лѣса синѣютъ и молчатъ,
И сѣрыхъ скалъ нагіе пики
На скатахъ изъ лѣсовъ торчатъ.

Но цѣлый день,—куда ни кину
Вдоль по горамъ смущенный взоръ,—
Лишь эту бѣлую вершину
Повсюду вижу изъ-за горъ.

Она поль-неба заступила,
За облака ушла вѣнцомъ—
И все смирилось, все застыло
Предъ этимъ льдистымъ мертвецомъ.

РАЗВАЛИНЫ.

Надъ синимъ понтомъ—сѣрыя руины,
Остатки древней греческой тюрьмы.
На югъ—морскія зыбкія равнины,
На сѣверъ—голые холмы.

Въ проломахъ стѣнъ—корявыя оливы
И дреза—сопутница руинъ,
А подъ стѣнами—красные обрывы
И волнъ густой аквамаринъ.

Угрюмо здѣсь, въ сырыхъ подземныхъ кельяхъ;
Но весело тревожить сонъ темницъ,—
Перекликаться съ эхомъ въ подземельяхъ
И видѣть небо изъ бойницъ!

Давно октябрь, но не уходитъ лѣто:
Ужъ на холмахъ желтѣетъ шелкъ травы,
Но воздухъ чистъ—и сколько въ небѣ свѣта,
А въ морѣ нѣжной синевы!

И тихи, тихи старыя руины.
И цѣлый день, подѣ мѣрный шумъ валовъ,
Слѣжу я въ морѣ парусъ бригантины,
А въ небесахъ—круги орловъ.

И усыпляетъ моря шумъ атласный.
И кажется, что въ мірѣ жизни нѣтъ:
Есть только блескъ, лазурь и воздухъ ясный,
Просторъ, молчаніе и свѣтъ.

ТРОПАМИ ПОТАЕННЫМИ.

Тропами потаенными, глухими
Въ лѣсныхъ чащи сумерки идутъ.
Засыпанные листьями сухими,
Лѣса молчатъ—осенней ночи ждутъ.

Вотъ крикнулъ сычъ въ пустынномъ буеракѣ...
Вотъ темный листъ свалился, чуть шурша...
Ночь близится: ужъ рѣветъ въ полумракѣ
Ея нѣмая скорбная душа.

ДОМА.

Ночь тепла, свѣтла и золотиста,
Мѣсяцъ всталъ и замеръ надъ гумномъ,
Все уснуло. Темень тихій флигель.
Степь и небо видны за окномъ.

За окномъ по лопухамъ чернѣетъ
Тѣнь отъ крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свѣтъ ложится,
Какъ льняные бѣлые холсты.

Далеко на сѣверѣ Капелла
Блещетъ семицвѣтнымъ огонькомъ,
И оттуда, съ поля, тянетъ ровнымъ,
Ласковымъ полуночнымъ тепломъ.

Сладко этой лаской упиваться,
Сладокъ отдыхъ ночью... Ночь свѣтла,
Все вокругъ какъ прежде: хуторъ, поле...
Все какъ было. Только жизнь прошла.

КОЛЬЦО.

Въ бѣломъ пескѣ золотое блеснуло кольцо.
Я задремалъ надъ Днѣпромъ у широкаго плеса,
Знойною ласкою вѣтеръ повѣялъ въ лицо,
Легкой прохладой и запахомъ свѣжаго теса,—
Ярко въ водѣ золотое блеснуло кольцо.

Какъ его вымыли волны на отмели бѣлой!—
Точно къ вѣнчанію. Искрился солнечный блескъ,
Видѣлъ я плахты, сорочки и смуглое тѣло,
Слышалъ я говоръ, веселые крики и плескъ...
Жадной толпою сошлись онѣ къ отмели бѣлой!

Жадно дыша, одѣвались онѣ на пескѣ,
Лоснились косы и карія очи смѣялись,
Съ звонкими пѣснями скрылись онѣ вдалекѣ,
Звонко о берегъ прозрачныя волны плескались...
Чье-то кольцо золотится въ горячемъ пескѣ.

О, красота, тишина и раздолье Днѣпра!
Помню, какъ вѣтеръ въ лугахъ серебрилъ верболозы,
Помню, какъ рѣяла дальнихъ миражей игра,
Помню о счастья безумныя, сладкія грезы...
Знойные полдни на бѣлыхъ побережьяхъ Днѣпра!

ПѢСНЯ.

Я—простая дѣвка на баштанѣ,
Онъ—рыбакъ, веселый человѣкъ.
Тонетъ бѣлый парусъ на Лиманѣ—
Много видѣлъ онъ морей и рѣкъ.

Говорятъ, гречанки на Босфорѣ
Хороши... А я черна, худа.
Утопаетъ бѣлый парусъ въ морѣ—
Можетъ, не вернется никогда!

Буду ждать въ погоду, въ непогоду...
Не дождусь—съ баштана разочтусь,
Выйду къ морю, брошу перстень въ воду
И косою черной удавлюсь.

ЗАПУСТѢНІЕ.

...Домой я шель по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ, берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренькій денекъ,
Среди березъ желтѣлъ осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ,—кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ,
Но вотъ на перевалѣ, за лощиной,
Фруктовый садъ листвою покраснѣлъ,
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостиной
Полился нѣжный и печальный стонъ.
Я въ кресло сѣлъ, къ окну и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены у балкона,
На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона
И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межъ тѣмъ какъ въ домѣ, тихомъ, какъ могила,
Неслышно одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.
Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: „Пусто, братъ, и скучно!“

Въ соломѣ, возлѣ печки, на полу,
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качались въ углу,
А у стѣны темнѣли клавишины.
Я тронулъ ихъ—и горестно въ тиши
Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,
Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ,
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли...

Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталъ и бѣднѣй, и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы всѣ въ тоскѣ, въ тревогѣ...
Пора свести послѣдніе итоги.

Печаленъ долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень позднюю въ Россіи.
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,
Просторъ полей и сумерки глухія,
Любилъ стальную, сѣрую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ навѣвала русскую тоску.
Но дни идутъ, накусило ненастье—
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья.

Томить меня нѣмая тишина.
Томить гнѣзда родного заустѣнье.
Я выросъ здѣсь. Но смотритъ изъ окна
Заглохшій садъ. Надъ домомъ рѣветъ тлѣнье,
И скупю въ немъ мерцаетъ огонекъ.
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ.

Часы стучать и старый домъ беззвучно
Мнѣ говорить: „Да, безъ хозяевъ скучно!

„Мнѣ на покой давно, давно пора...
Поля, лѣса—все гложетъ безъ заботы...
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!
Я жду, чтобъ жизнь,—пусть даже въ грубой силѣ,
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ,
Я изнемогъ, и мертвый стукъ часовъ
Въ молчаніи осенней долгой ночи
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи!“

ДѢТСКАЯ.

Отъ пихтъ и елей въ горницѣ темнѣй,
Скучнѣй, стариннѣй. Древнее есть что-то
Въ уборѣ ихъ. И вечеромъ краснѣй
Сквозь нихъ зари морозной позолота.

Узорно-легкой, мягкой бахромой
Лежить ихъ тѣнь на рдѣющихъ обояхъ—
И грустны, грустны сумерки зимой
Въ заброшенныхъ помѣщичьихъ покояхъ!

Сидишь и смотришь въ окна изъ угла
И думаешь о жизни старосвѣтской...
Увы! Вѣдь эта горница была
Когда-то нашей дѣтской!

КОСОГОРЪ.

Косогоръ надъ разлужьемъ и пашни кругомъ,
Потускнѣвшій закатъ, полумракъ...
Далеко за извалами крестъ надъ холмомъ
Неподвижный вѣтрякъ.

Какъ печальна заря! И какъ долго она
Тлѣетъ въ сонномъ просторѣ равнинъ!
Вотъ чуть внятная дѣвичья пѣсня слышна...
Вотъ заплакала лунь. . И опять тишина...
Ночь, безмолвная ночь. Я одинъ.

Я одинъ, а вокругъ темнота и поля
И ни звука въ просторѣ ихъ нѣтъ...
Точно проклятъ тотъ край, тотъ народъ, гдѣ земля
Такъ пустынна ужъ тысячу лѣтъ!

ВЪ ЛѢСУ.

Въ лѣсу, въ горѣ—родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ—старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшюю иконкой,
А въ родникѣ—березовый корецъ.

Я не люблю, о Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты,
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя, родимыя черты!

РЪЧКА.

Свѣтло, легко и своенравно
Она блеститъ среди болотъ
И къ старымъ мельницамъ такъ плавно
Несетъ стекло весеннихъ водъ.

Несетъ—и знать себѣ не хочетъ,
Что тамъ, надъ омутомъ въ лѣсу,
Безумно Водяной грохочетъ,
Стремглавъ летя по колесу,—

Пылитъ на мельницахъ помоломъ,
Трясетъ и жерновъ, и приводъ—
И, падая, въ бреду тяжеломъ
Кружитъ сѣдой водоворотъ.

“ПАХАРЬ.

Легко и блѣдно небо голубое,
Поля въ весенней дымкѣ. Влажный парь
Взрѣзаю я—и лѣзутъ на подвои
Пласты земли, безцѣнный божій даръ.

По бороздѣ спѣша за сошниками,
Я оставляю мягкіе слѣды—
Такъ хорошо разутыми ногами
Ступать на бархатъ теплой борозды!

Въ лилово-синемъ морѣ чернозема
Затерянъ я. И далеко за мной,
Гдѣ тусклый блескъ лежитъ на кровлѣ дома,
Струится первый зной.

ДВѢ РАДУГИ.

Двѣ радуги—и золотистый, рѣдкій
Весенній дождь. На западѣ вотъ-вотъ
Блеснутъ лучи. На самой верхней вѣткѣ
Садовъ, густыхъ отъ майскихъ непогодъ,
На сизомъ фонѣ тучи озаренной
Чернѣетъ точкой птица. Все свѣжѣй
Свѣтъ радугъ фіолетово-зеленый
И сладкій запахъ ржей.

ЗАКАТЪ.

Вдыхая тонкій запахъ четокъ,
Изъ-за чернѣющихъ рѣшетокъ
Глядятъ монахи на посадъ,
На синь лѣсовъ и на закатъ.

Вся келья въ жаркомъ, красномъ блескѣ:
Костромъ въ далекомъ перелѣскѣ
Гнѣздо Жаръ-Птицы занялось
И за сосною тонетъ вкосъ.

Оно сгораетъ, но изъ дыма
Встаютъ, слагаются незримо
Надъ синимъ сумракомъ земли
Туманно-сизые кремли.

ЧУЖАЯ.

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До послѣдняго дня.

Ты покорно и скромно
Шла за нимъ отъ вѣнца.
Но лицо ты склонила—
Онъ не видѣлъ лица.

Ты съ нимъ женщиной стала,
Но не дѣвушка ль ты?
Сколько въ каждомъ движеньи
Простоты, красоты!

Будутъ снова измѣны...
Но одинъ только разъ
Такъ застѣнчиво свѣтитъ
Нѣжность любящихъ глазъ.

Ты и скрыть не умѣешь,
 Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
 Никогда, никогда!

• НОВЫЙ ГОДЪ.

Ночь прошла за шумной встрѣчей года...
Сколько сладкой муки! Сколько разъ
Я ловилъ, сквозь блескъ огней и говоръ,
Быстрый взглядъ твоихъ влюбленныхъ глазъ!

Вышли мы, когда уже свѣтало
И въ церквахъ затеплились огни...
О, какъ мы любили! Какъ томились!
Но и здѣсь мы были не одни.

Молча шла ты объ руку со мною
По срединѣ улицъ. Городокъ
Точно вымеръ. Мягко вѣялъ влажный
Тающего снѣга холодокъ.

И хотѣлось только ласки, ласки.
И не разъ склонялася тайкомъ
Къ моему плечу твоя головка
Подъ прозрачнымъ газовымъ платкомъ.

Но подъѣздъ ужъ близокъ. Вотъ и двери...
О, прощальный милый взглядъ! „Хоть разъ,
Только разъ прильнуть къ тебѣ всѣмъ сердцемъ
Въ этотъ ранній, въ этотъ сладкій часъ!“

Но сестра стоитъ, глядитъ безстрастно.
„Доброй ночи!“ Сдержанный поклонъ,
Стукъ дверей—и я одинъ. Молчанье,
Блѣдный сумракъ, предразсвѣтный звонъ.

ТѢНЬ

Высоко въ небѣ мѣсяць ясный,
Затихъ волны дремотный плескъ.
Какъ снѣжно-золотое поле,
Сіяеть въ морѣ лунный блескъ.

Плыла межъ небомъ и землею
Надъ моремъ тучка,—наплыла
На край луны—и вдругъ широко
Насъ мягкой тѣнью обняла.

Далеко золотое поле
Покрылось матовымъ стекломъ,
И вѣтеръ, шелестя травую,
Пахнулъ полуночнымъ тепломъ.

Счастливымъ и глубокимъ вздохомъ
Волна вздохнула въ полуснѣ—
И какъ довѣрчиво, какъ нѣжно
Ты вся прижалася ко мнѣ!

Но вспыхнулъ блескъ на горизонтѣ,
Тѣнь по горамъ въ лѣса ушла—
И снова мы сидимъ недвижно,
И снова ночь, какъ день, свѣтла.

Спитъ море подъ луною ясной,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ...
О, ночь любви! Ужель и въ счастья
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

НОВАЯ ВЕСНА.

Мы встрѣтились случайно, на углу.
Я быстро шель—и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.

На ней былъ крепъ—прозрачный легкой газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ бывшее оживленье.

И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила,
И скрылась за угломъ... Была весна...
Она меня простила—и забыла.

ОГОНЬ НА МАЧТѢ.

И сладостно, и грустно видѣть ночью,
На корабль далеко въ темномъ морѣ,
Въ ночь уходящій топовый огонь.
Когда все спитъ на дачѣ, и сквозь сумракъ
Однѣ лишь звѣзды свѣтятся, я часто
Сажу на старой каменной скамейкѣ,
Надъ лѣстницей съ обрыва. Ночь тепла,
И такъ темно, такъ тихо все, какъ будто
Нѣтъ ни земли, ни неба—только мягкій
Глубокій мракъ. И вотъ вдали, во мракѣ,
Идетъ огонь—какъ свѣчка... Ни звука
Не слышно на побережьи,—лишь сверчки
Звенятъ въ горѣ чуть уловимымъ звономъ,
Будя въ душѣ задумчивую нѣжность,
А онъ уходитъ въ ночь и одиноко
Виситъ на горизонтѣ, въ темной безднѣ
Межъ небомъ и землею... Пойте, пойте,
Сверчки, мои товарищи ночные,
Баюкайте мою ночную грусть!

МЕРТВЫЙ ЧАСЪ.

Проснулся я внезапно, безъ причины.
Мнѣ снилось что-то грустное—и вдругъ
Проснулся я. Сквозь голыя осины
Въ окно глядѣлъ туманный лунный кругъ.

Усадьба по осеннему молчала.
Весь домъ былъ мертвъ въ полночной тишинѣ,
И, какъ ребенокъ брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумнѣ.

Мнѣ снилось много грутнаго. Я знаю,
Что снилось мнѣ... Но умерла печаль.
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу... Мнѣ ничего не жаль.

ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРѢ.

Въ открытомъ морѣ—только небо,
Вода, да вѣтеръ. Тяжело
Идетъ волна, и низко кренить
Фелюка сѣрое крыло.

Въ открытомъ морѣ вѣтеръ гонить
То свѣтъ, то тѣнь—и въ облака
Сквозить лазурь... А ты забыта,
Ты бесконечно далека!

Но волны, пѣнясь и качаясь,
Идутъ, бѣгутъ навстрѣчу мнѣ—
И кто-то синими глазами
Глядитъ въ мелькающей волнѣ.

И что-то вольное, живое,
Какъ эта синяя вода,
Опять, опять напоминаетъ
То, что забыто навсегда.

АПРѢЛЬ.

Туманный серпъ, неясный полумракъ,
Свинцово-тусклый блескъ желѣзной крыши,
Шумъ мельницы, далекій лай собакъ,
Таинственный зигзагъ летучей мыши.

А въ старомъ палисадникѣ темно,
Свѣжо и сладко пахнетъ можжевельникъ
И сонно, сонно свѣтится сквозь ельникъ
Серпа зеленоватое пятно.

ИЗЪ ОКНА.

Вѣтви кедра—вышивки зеленымъ
Темнымъ плюшемъ, свѣжимъ и густымъ,
А за плюшемъ кедра, за балкономъ—
Садъ прозрачный, легкій, точно дымъ:

Яблони и сизыя дорожки,
Изумрудно-яркая трава,
На берегахъ—сѣрыя сережки
И вѣтвей плакучихъ кружева,

А на кленахъ—дымчато-сквозная
Съ золотыми мушками вуаль,
А за ней—долинная, лѣсная,
Голубая, тающая даль.

ДѢТСТВО.

Чѣмъ жарче день, тѣмъ сладостнѣй въ бору
Дышать сухимъ смолистымъ ароматомъ,
И весело мнѣ было поутру
Бродить по этимъ солнечнымъ палатамъ!

Повсюду блескъ, повсюду яркій свѣтъ,
Песокъ—какъ шелкъ... Прильну къ соснѣ корявой
И чувствую: мнѣ только десять лѣтъ,
А стволъ—гигантъ, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но такъ тепла, такъ солнцемъ вся прогрѣта!
И кажется, что пахнетъ не сосна,
А зной и сухость солнечнаго свѣта.

РАЗЛИВЪ.

Паромъ, скрипя, ушелъ. Въ разливъ по тусклой зыби
Сквозь муть лиловыхъ тучъ румянится заря.
На темномъ кражѣ горъ, въ ихъ сумрачномъ изгибѣ,
Померкнули въ лѣсу кресты монастыря.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянетъ...
Но и костерь потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ. Темнѣй уже не станетъ,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Лишь брезжится закатъ на взгорьяхъ сквозь верхушки,
Блестить, какъ ртуть, вода по лужамъ на пескѣ,
Дрожить въ разливѣ рябь, да сонныя лягушки
Звенять чуть слышно въ тростникѣ.

СКАЗКА.

...И снилось мнѣ, что мы, какъ въ сказкѣ,
Шли вдоль пустынныхъ береговъ
Надъ дикимъ синимъ лукоморьемъ,
Въ глухомъ бору, среди песковъ.

Быль лѣтній свѣтозарный полдень,
Быль жаркій день, и озарень
Весь лѣсъ былъ солнцемъ, и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоень.

Узорами ложились тѣни
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Быль чистъ и радостно-высокъ.

Игралъ зеркальный отблескъ моря
Въ вершинахъ сосенъ, и текла
Вдоль по корѣ, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнѣе стекла...

Мнѣ снилось сѣверное море,
Лѣсовъ пустынные края...
Мнѣ снилась даль, мнѣ снилась сказка—
Мнѣ снилась молодость моя.

ПОМОРЬЕ.

Бѣлый полдень, жаръ несносный,
Мохъ, песокъ, шелюгъ, да сосны...
Но отъ сосенъ тѣни нѣтъ,

Облака легки, высоки,
Солнце въ блѣдной поволокѣ—
Всюду знойный бѣлый свѣтъ.

Тамъ, за хижиной помора,
За песками косогора,
Голой мачты виденъ шесть...

Но и море гладью млечной,
Серебристой безконечной
Простирается окрестъ.

А на отмели песчаной
Спить поморъ, отъ солнца пьяный,
Тонко плачется комаръ,

И на икрахъ обнаженныхъ,
Лѣтнимъ зноемъ обожженныхъ,
Блещетъ бронзовый загаръ.

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.

Угрюмо шмель гудитъ, толкаясь по стеклу...
Въ окно зарница глянула тревожно...
Притихшій соловей въ сирени на валу
 Выводитъ трели осторожно.

Громъ, проворчавъ въ саду, скатился за гумно;
Но воздухъ меркнетъ, небо потухаетъ...
А тополь тянется въ открытое окно
 И ладаномъ благоухаетъ.

ДОННИКЪ.

Братъ, въ запыленныхъ сапогахъ,
Швырнулъ ко мнѣ на подоконникъ
Цвѣтокъ, растущій на парахъ,
Цвѣтокъ засухи—желтый донникъ.

Я всталъ отъ книгъ и въ степь пошелъ...
О, да! Все поле—золотое,
И отовсюду точки пчель
Плывутъ въ сухомъ вечернемъ зноѣ.

Толчется сѣткой мошкара,
Шафранный свѣтъ надъ полемъ рѣетъ
И, значить, завтра вновь жара
И вновь сухмень. А хлѣбъ ужъ зрѣетъ.

Да, зрѣетъ и грозитъ нуждой,
Быть можетъ, голодомъ... И все же
Мнѣ этотъ донникъ золотой
На мигъ всего, всего дороже!

РОЗЫ.

Блистая, облака лѣпились
Въ лазури пламеннаго дня.
Двѣ розы подѣ окномъ раскрылись—
Двѣ чаши, полныя огня.

Въ окно, въ прохладный сумракъ дома,
Глядѣлъ зеленый знойный садъ,
И сѣна душная истома
Струила сладкій ароматъ.

Порою, звучный и тяжелый,
Высоко въ небѣ грохоталъ
Громовый гулъ... Но пѣли пчелы,
Звенѣли мухи—день сіялъ.

Порою шумно пробѣгали
Потоки ливней голубыхъ...
Но солнце и лазурь мигали
Въ зеркально-зыбкомъ блескѣ ихъ—

И день сіялъ, и млѣли розы,
Головки томныя клоня,
И улыбалися сквозь слезы
Очами, полными огня.

ТЕРЕМЪ.

Высоко стоитъ луна.
Тѣни елей рѣзки, четки.
Я—въ свѣтлицѣ у окна,
Я блѣднѣе полотна...
Въ серебрѣ пруты рѣшетки.

Мать, отецъ—всѣ спять давно.
Я съ распушенной косою
Заглядѣлася въ окно...
Я блѣдна, какъ полотно,
Какъ поляна подъ росою.

Подоконникъ не великъ,
Все же можно здѣсь прижаться...
Съ неба смотритъ лунный ликъ—
И у ногъ на половикъ
Клѣтки бѣлыя ложатся.

Да и я—какъ въ серебрѣ,
Испещренная крестами...
Долги ночи въ сентябрѣ!
Но усну лишь на зарѣ,
Истомленная мечтами.

СКВОЗЬ ВѢТВИ.

Осень листья темной краской мѣтитъ:
Не уйти имъ отъ своей судьбы!
Но свѣтло и нѣжно небо свѣтитъ
Сквозь нагіе черные дубы,

Что-то неземное обѣщаетъ,
Къ тишинѣ уводитъ отъ заботъ—
И опять, опять душа прощаетъ
Промелькнувшій, обманувшій годъ!

к СЕНТЯБРЬ.

Ужъ подсыхаетъ хмель на тынѣ.
За хуторами, на бакчахъ,
Въ нежаркихъ солнечныхъ лучахъ
Краснѣютъ бронзовыя дыни.

Ужъ хлѣбъ свезенъ, и вдалекѣ,
Надъ старою степною хатой,
Сверкаетъ золотой заплатой
Крыло на сѣромъ вѣтрякѣ.

КЕЛЬЯ.

День распогодился съ закатомъ.
Сквозь стекла въ старый кабинетъ
Льетъ солнце золотистый свѣтъ;
Широкимъ палевымъ квадратомъ
Окно рисуеть на стѣнѣ,
А въ немъ безсильно, какъ во снѣ,
Скользить трепещущимъ узоромъ
Тѣнь отъ березы надъ заборомъ...
Какъ грустно на закатѣ мнѣ!

Зачѣмъ ты, солнце, на прощанье,
Въ своемъ сіяньи золотомъ,
Вошло въ мой одинокій домъ?
Онъ пусть, въ немъ вѣчное молчанье!
Я былъ спокоенъ за трудомъ,
Я позабылъ твое сіянье:
Зачѣмъ же думы о быломъ
И это грустное веселье
Въ давно безлюдной, тихой кельѣ?

СУДРА.

Жизнь впереди, до старости далеко.
Но вотъ и я ужъ думаю о ней...
О, какъ намъ будетъ въ мѣрѣ одиноко!
Какъ грустно на закатѣ дней!

Умершіе оставили одежды—
Ихъ носить бѣдный Судра. Такъ и мнѣ
Оставить жизнь не радость и надежды,
А только скорбь о старинѣ.

Мы проживемъ, быть можетъ, не напрасно;
Но тѣмъ больнѣе будетъ до конца
Съ улыбкою печальной и безгласной
Влачить одежды мертвеца!

У ШАЛАША.

Распали костеръ, сумѣй
Разозлить его блестящихъ,
Убѣгающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змѣй!

Ночь изъ тьмы пустаго сада
Дышитъ холодомъ прудовъ,
Прѣлыхъ листьевъ и плодовъ—
Ароматомъ листопада.

Здѣсь же—яркій зной и свѣтъ,
Тѣни пляшутъ по аллеямъ,
И бѣгущимъ жаркимъ змѣямъ.
Ихъ затѣямъ—счета нѣтъ!

НА МАЯКЪ.

Въ пустой маякъ, въ лазурь оконныхъ впадинъ,
Осенній вѣтеръ дуетъ—и, звеня,
Гудитъ вверху. Онъ влаженъ и прохладенъ,
Онъ опьяняетъ свѣжестью меня.

Остановясь на лѣстницѣ отвѣсной,
Гляжу въ окно. Внизу шумитъ прибой
И зыбь бѣжитъ. А выше—сводъ небесный
И океанъ туманно-голубой.

Внизу—шумъ волнъ, а наверху, какъ струны,
Звенить-поетъ рѣшетка маяка.
И все плыветъ: маякъ, заливъ, буруны,
И я, и небеса, и облака.

ГОЛУБИ.

Раскрыть балконъ, сожженъ цвѣтникъ морозомъ,
Опустошенъ поблекшій садъ дождями.

Какъ лунный камень, холодно и блѣдно
Надъ садомъ небо. Вѣтеръ въ небѣ гонить
Свинцовыя и дымчатыя тучи.
И крупный ливень съ бурей то и дѣло
Бѣжитъ, дымится пд-саду... Но если
Внезапно глянетъ солнце, что за радость
Овлаждѣваетъ сердцемъ! Жадно дышишь
Душистымъ, влажнымъ воздухомъ, уходишь
Съ открытой головою по аллеѣ,
Межъ тѣмъ какъ надъ аллеей все привѣтнѣй
Синѣетъ небо яркое—и вдругъ
Съ гумна стрѣлою мчится бѣлый турманъ
И снѣжнымъ комомъ падаетъ къ балкону,
За нимъ другой—и оба долго, долго
Пьютъ изъ лазурной лужи, поднимая
Свои головки кроткія... Замрешь,

Боясь ихъ потревожить, весь охвачень
Какой-то робкой радостью, и мнится,
Что пьютъ они не дождевую воду,
А чистую небесную лазурь.

ОЛЬХА.

Осень. Чащи лѣса.
Мохъ сухихъ болотъ.

Озеро бѣлесо.
Блѣденъ небосводъ.

Отцвѣли кувшинки
И шафранъ отцвѣлъ.

Выбиты тропинки,
Лѣсъ и пусть, и голъ.

Только ты красива,
Хоть давно суха,

Въ кочкахъ у залива
Старая ольха!

Женственно глядишься
Въ воду въ полуснѣ—

И засеребришься
Прежде всѣхъ къ веснѣ.

ГОРЕ.

Меркнетъ свѣтъ въ небесахъ.
Скачетъ князь мелколѣсьемъ, по топямъ, гдѣ сохнетъ осока.
Рѣютъ сумерки въ черныхъ еловыхъ лѣсахъ,
А по елкамъ мелькаетъ, сверкаетъ—сорока.

Станетъ князь, поглядить:
Нѣтъ сороки! Но сердце недоброе чуетъ.
Снова скачетъ—и снова сорока летитъ,
Перелѣсьемъ кочуетъ.

Боленъ сынъ... Вѣрно хуже ему...
Погубили дитя переходіе старцы калики!
Ночь подходитъ... И что-то теперь въ терему?
Скачетъ князь—и все слышитъ онъ женскіе крики.

А въ лѣсу все темнѣй,
А ужъ конь устаетъ... Поспѣшай,—недалеко!
Вонъ и теремъ... Но что это? Сколько огней!
—Нагадала сорока.

УТРЕННИКЪ.

Первый утренникъ, серебряный морозъ.
Тишина и звонкій холодъ на зарѣ.
Свѣжимъ глянцемъ зеленѣетъ слѣдъ колесъ
На серебряномъ просторѣ, на дворѣ.

Я въ холодный обнаженный садъ пойду—
Весь разсѣянъ по землѣ его нарядъ.
Бирюзой сіяетъ небо, а въ саду
Краснымъ пламенемъ настурціи горять.

Первый утренникъ—предвѣстникъ зимнихъ дней.
Но сіяетъ небо ярче съ высоты,
Сердце стало и трезвѣй, и холоднѣй.
Но какъ пламя рдѣютъ поздніе цвѣты.

ОГОНЬ.

Нѣтъ ничего грустнѣй ночного
Костра, забытаго въ бору.
О, какъ дрожить онъ, потухая,
И разгораясь на вѣтру!

Ночной холодный вѣтеръ съ моря
Внезапно залетаетъ въ боръ;
Онъ, бѣшено кружась, бросаетъ
Въ костеръ истлѣвшій хвойный соръ—

И пламя вспыхиваетъ жадно,
И тьма, висѣвшая шатромъ,
Вдругъ затрепещетъ, открывая
Стволы и вѣтви надъ костромъ.

Но вѣтеръ пролетаетъ мимо,
Теряясь гдѣ-то въ высотѣ,
И вѣтру отвѣчаетъ гуломъ
Весь боръ, невидный въ темнотѣ,

И снова затопляетъ тьмою
Свѣтъ замирающій... О, да!
Еще порывъ, еще усилье—
И онъ исчезнетъ безъ слѣда,

И явственнѣй во мракъ станетъ
Звонъ сонной хвои, скрипъ стволовъ
И этотъ жуткій, все растущій,
Протяжный гулъ морскихъ валовъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Катится дискомъ золотымъ
Луна въ провалы черной тучи,
И таетъ въ ней, и льетъ сквозь дымъ
Свой блескъ на каменные кручи.

Но погляди на небосклонъ:
Луна стоитъ, а дымъ мелькаетъ.
Не Время въ вѣчность убѣгаетъ—
Уходитъ жизнь, какъ блѣдный сонъ.

СТАРИКЪ.

Старикъ сидѣлъ, покорно и уныло
Поднявши брови, въ креслѣ у окна.
На столикѣ, гдѣ чашка чаю стыла,
Сигара нагорѣвшая струила
Полоски голубого волокна.

Былъ зимній день, и на лицо худое,
Сквозь этотъ легкій и душистый дымъ,
Смотрѣло солнце вѣчно молодое,
Но ужъ его сіянье золотое
На западъ шло по комнатамъ пустымъ.

Часы въ углу своею четкой мѣрой
Отмѣривали время... На закатъ
Смотрѣлъ старикъ съ безпомощною вѣрой...
Росъ на сигарѣ пепель темно-сѣрый,
Струился сладковатый ароматъ.

СУМЕРКИ.

Какъ дымъ, сѣдая мгла мороза
Застыла въ сумракѣ ночномъ.
Какъ привидѣніе, береза
Стоитъ, сѣрѣя за окномъ.

Таинственно въ углахъ стемнѣло,
Чуть свѣтитъ печь, и, точно тѣнь,
Надъ всѣмъ простерлася несмѣло
Грусть, провожающая день,—

Грусть, разлитая на закатѣ
Въ полупомеркнувшей золѣ,
И въ тонкомъ тепломъ ароматѣ
Сгорѣвшихъ дровъ, и въ полумглѣ,

И въ тишинѣ,—такой угрюмой,
Какъ будто блѣдный призракъ дня
Съ какою-то глубокой думой
Глядитъ сквозь сумракъ на меня.

ОЛЕНЬ.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Здѣсь шелъ олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.

Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталь тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ—
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.

Вотъ снова слѣдъ—размѣренный и рѣдкій...
И вдругъ—прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ - и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу.

О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ.
Въ стремительности радостно звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

ЗМЪЯ.

Покуда мартъ гудитъ въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей,—безцвѣтна и плоска,
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листьѣ тяжелымъ,
Холоднымъ сномъ... Но ужъ весна близка.

Ужъ въ облакахъ, какъ синія оконца,
Сквозитъ лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припалъ къ листьѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей... Я медленно ползу—
И вотъ опять цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, то въ бирюзу.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ—змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй—
Тѣмъ ядовитѣй я.

НЕБО.

Въ деревнѣ капали капли,
Быль теплый солнечный апрѣль.
Блестѣли вывѣски и стекла
И празднично бѣлѣлъ отель.

А надъ деревней, надъ горами
Раскрыты были небеса,
И по горамъ, къ вершинамъ бѣлымъ,
Шли темносиніе лѣса.

И отъ вершинъ, какъ мраморъ чистыхъ,
Отъ изумрудныхъ ледниковъ
И отъ небесъ зеленоватыхъ
Тянуло свѣжестью снѣговъ.

И я ушелъ къ зимѣ, на сѣверъ.
И цѣлый день бродилъ въ лѣсахъ,
Душой теряясь въ необъятныхъ
Зеленоватыхъ небесахъ.

И, радуясь, душа стремилась
Рѣшить одно: зачѣмъ живу?
Зачѣмъ хочу сказать кому-то,
Что тянетъ въ эту синеву,

Что прелесть этихъ чистыхъ красокъ
Словами выразить нѣтъ силъ,
Что только небо—только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ?

НА ВИНОГРАДНИКЪ.

На виноградникъ нельзя дышать. Лоза
Пожухла, сморщилась. Лучистый отблескъ моря
И бѣлизна шоссе слѣпятъ огнемъ глаза,
А дача на холмѣ, на голомъ косогорѣ.

Скрываюсь въ домъ. О, рай! Прохладно и темно,
Всѣ ставни заперты... Но нѣтъ, и здѣсь не скрыться:
Прямой горячій лучъ блеститъ сквозь щель въ окно—
И понемногу тьма рѣдѣетъ, золотится.

Еще мгновеніе—и приглядишься къ ней,
И будешь чувствовать, что за стѣною—море,
Что за стѣной—шоссе, что нѣтъ нигдѣ тѣней,
Что вся земля горитъ въ сіяющемъ просторѣ!

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Тьма затопляетъ лунный блескъ,
За тучу входитъ мѣсяцъ полный,
Холоднымъ вѣтромъ дышать волны
И все растеть ихъ шумный плескъ.

Вотъ на мгновенье разступился
Зловѣщій мракъ, и, точно ртуть,
По гребнямъ волнъ засеребрился
Дрожащій отблескъ—лунный путь.

Но какъ за нимъ сгустились тучи!
Какъ черный небосклонъ великъ!..
О, ночь! Сокрой во тьмѣ свой ликъ,
Свой взоръ тревожный и могучій!

ШТИЛЬ.

На плоскомъ взморѣ—мертвый зной и штиль.
Слѣпитъ горячій свѣтъ, струится воздухъ чистый,
Расплавленной смолой сверкаетъ черный киль
Рыбацкаго челна на мели золотистой.

Съ нестройнымъ крикомъ голыхъ татарчатъ
Сливается порой пронзительный и жалкій,
Зловѣщій визгъ серебряной рыбалки.
Но небо ясно, отмели молчатъ.

Разлить заливъ зеркальностью безбрежной,
И глубоко на золотѣ песка,
Подъ хрусталемъ воды, сіяетъ бѣлоснѣжный
Недвижный отблескъ маяка.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Все море—какъ жемчужное зеркало,
Сирень съ отливомъ млечно-золотымъ.
И какъ тепло передъ закатомъ стало,
И какъ душистъ надъ саклей тонкій дымъ!

Вонь чайка съла въ бухточкѣ скалистой,
Какъ поплавокъ... Взлетаетъ иногда—
И видно, какъ струею серебристой
Сбѣгаетъ съ лапокъ розовыхъ вода.

У береговъ въ водѣ застыли скалы,
Подъ ними свѣтитъ жидкій изумрудъ.
А тамъ, вдали—и жемчугъ, и опалы
По золотистымъ яхонтамъ текутъ.

СЪ ОСТРОГОЙ.

Костерь трещить. Въ фелюкѣ свѣтъ и жаръ.
Въ водѣ стоятъ и серебрятся щуки,
Бѣлѣеть дно... Бери трезубецъ въ руки
И не спѣши. Ударъ! Еще ударъ!

Но поздно. Страсть—какъ сладостный кошмаръ,
Но силъ ужъ нѣтъ, противны кровь и муки...
Гаси, гаси—вали съ борта фелюки
Костерь въ Лиманъ... И чадъ, и дымъ, и паръ.

Теперь легко, прохладно. Выступаютъ
Туманная созвѣздя въ полутьмѣ.
Волна качаетъ, рыбы засыпаютъ...
И вверхъ лицомъ ложусь я на кормѣ.

Плыть—до зари, но въ морѣ путь не скучень.
Я задремлю подъ ровный стукъ уключинъ..

ОКЕАНИДЫ.

Въ полдневный зной, когда на щепень,
На валуны прибрежныхъ скалъ,
Кипя, встаетъ за гребнемъ гребень,
Крутясь, идетъ за валомъ валъ,—

Когда изгибъ прибоя блещетъ
Зеркально-вогнутой грядой
И въ немъ сіяетъ и трепещетъ
Отъ гребня отблескъ золотой,—

Какъ весель ты, о буйный хохоть,
Звенящій смѣхъ Океанидъ,
Подъ этотъ влажный шумъ и грохоть
Легящихъ въ пѣнѣ на гранитъ!

Какъ звучно море подъ скалами
Дробить на солнцѣ зеркала
И въ пѣнѣ, вмѣстѣ съ зеркалами,
Клубить ихъ бѣлыя тѣла!

ДЮНЫ.

За сизыми дюнами—сѣверный тусклый туманъ.

За сизыми дюнами—сѣрая даль океана.

На зыби холодной, у берега—черный бакланъ,

На зыби маячить высокая шейка баклана.

За сизыми дюнами—сѣверъ. Вдали иногда

Проходятъ, какъ тѣни, норвежскія старыя шхуны—

И снова все пусто. Холодное небо, вода,

Туманъ синеватый и дюны.

НА БѢЛЫХЪ ПЕСКАХЪ.

На бѣлыхъ пескахъ отъ прилива
Не мало осталось къ зарѣ
Сверкающихъ лужъ и затоновъ—
Зеркальныхъ полосъ въ серебрѣ.

Не мало камней самоцвѣтныхъ
Осталось на дюнахъ нагихъ,
И смотреть, какъ ангелъ лазурный,
Весеннее утро на нихъ.

А къ западу сумракъ тѣснится,
И съ сумракомъ, въ сизый туманъ,
Свивается сонный, угрюмый
Тяжелый удавъ—Океанъ.

СТОНЪ.

Какъ розовое море—даль пустынь.
Какъ синій лотось—озеро Мерида.
„Встань, сонный рабъ, и свой шалашъ покинь:
Ужъ озлатилась солнцемъ пирамида“.

И рабъ встаетъ. Отъ жесткаго одра
Идетъ подъ зной и пламень небосклона.
Разсвѣтъ горить. И въ пышномъ блескѣ Ра
Вдали звучать стенанія Мемнона.

ВЪ ГОРНОЙ ДОЛИНѢ.

Блѣдно-зеленяя грустныя звѣзды...
Помню темнѣющей лѣсъ,
Сыръ и сумерки въ горной долинь,
Холодъ осеннихъ небесъ.

Жадно и долго стремился я, звѣзды,
Къ вамъ, въ вышину...
Что же я встрѣтилъ? Нагіе граниты,
Сумерки, страхъ, тишину...

Блѣдны и грустны вы, горныя звѣзды:
Вы созерцаете смерть.
Что же влечетъ къ вамъ? Зачѣмъ же такъ тянетъ
Ваша бездонная твердь?

КАМЕННАЯ БАБА.

Отъ зноя травы сухи и мертвы.
Степь—безъ границъ, но даль синѣеть слабо.
Вотъ остовъ лошадиной головы.
Вотъ снова—Каменная Баба.

Какъ сонны эти плоскія черты!
Какъ первобытно грубо это тѣло!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мнѣ улыбаешься несмѣло.

О, дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцемъ?
— Не Богъ, не Богъ насъ создалъ. Это мы
Боговъ творили рабскимъ сердцемъ.

МИСТИКУ.

Въ холодный залъ, луною освѣщенный,
Ребенкомъ я вошелъ.
Тѣнями рамъ старинныхъ испещренный,
Блестѣлъ вощенный полъ.

Какъ въ алтарѣ, высоки окна были,
А тамъ, въ саду—луна,
И бѣлый снѣгъ, и въ пудрѣ снѣжной пыли—
Столѣтняя сосна.

И въ страхѣ я въ дверяхъ остановился:
О, да, какъ въ алтарѣ,
По залу ладанъ сумрака дымился,
Сквозя на серебръ!

Но взглядъ упалъ на небо: небо ясно,
Луна чиста, свѣтла—
И страхъ исчезъ... Какъ часто, какъ напрасно
Дѣтей пугаетъ мгла!

Теперь давно мистическаго храма
Мнѣ жалокъ темный бредъ:
Когда идешь надъ бездною—надо прямо
Смотрѣть въ лазурь и свѣтъ.

ЭСХИЛЬ.

Я содрагаюсь, глядя на твои
Черты нѣмая, полныя могучей
И строгой мысли. Съ древней простотой
Изваянъ ты, о старецъ. Безконечно
Далеки дни, когда ты жилъ, и миеомъ
Теперь тѣ дни намъ кажутся. Ты страшень
Ихъ древностью. Ты страшень тѣмъ, что ты,
Незримый въ мѣрѣ двадцать пять столѣтій,
Незримо въ немъ присутствуешь до нынѣ,
И предъ твоею славой легендарной
Безсильно Время.—Рокъ неотвратимъ,
Все въ мѣрѣ предначертано Судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвенье
Дѣла всѣхъ дѣлъ. Но ты предъ Адрастеей
Склонилъ чело суровое съ такимъ
Величїемъ, съ такою мощью духа,
Какая подобаеть лишь богамъ,
Да смертному, дерзнувшему впервые
Возславить духъ и дерзновенье смертныхъ!

САМСОНЪ.

Былъ ослѣпленъ Самсонъ, былъ Господомъ обиженъ,
Былъ чадами грѣха поруганъ и униженъ
И приведенъ на пиръ. Тамъ, опустивъ къ землѣ
Безрячіе глаза, онъ слушалъ смѣхъ и клики,
Но мгла текла предъ нимъ—и въ этой жуткой мглѣ
Пылали грозные архангельскіе лики.
Они росли, какъ смерчь,—и вдругъ разверзлась твердь,
Прорѣзалъ тьму глаголь: „Возстань, мой рабъ любимый!“
И просіялъ слѣпецъ красой непостижимой,
Затрепеталъ, какъ кедръ, и поблѣднѣлъ, какъ смерть.
О, не плѣнитъ его теперъ Ваала хохоть,
Не обольститъ очей ни пурпуръ, ни виссонъ!—
И цѣлый міръ потрясъ громовой гуль и грохоть:
Зане былъ слѣпъ Самсонъ.

ОРМУЗДЪ.

Ни алтарей, ни истукановъ,
Ни темныхъ капищъ. Міръ одѣтъ
Въ покровы мрака и тумановъ:
Боготворите только Свѣтъ.

Владыка Свѣта весь въ единомъ—
Въ борьбѣ со Тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Возненавидьте только Тьму.

Ночь третью міра властно править.
Но мудрый жаждетъ вѣрить Дню:
Онъ въ мірѣ радость солнца славить,
Онъ поклоняется Огню.

И, возложивъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приносить въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, всевидящій Датаръ!

У БЕРЕГОВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

Здѣсь царство Амазонокъ. Были дики
Ихъ буйныя забавы. Много дней
Звучали здѣсь ихъ радостныя клики
И ржаніе купавшихся коней.

Но вѣкъ нашъ—мигъ. И кто укажетъ нынѣ,
Гдѣ на пески ступала ихъ нога?
Не вѣтеръ ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагіе берега?

Давно унесъ, развѣялъ вѣтеръ южный
Ихъ голоса отъ этихъ береговъ...
Давно слизалъ, размылъ прибой жемчужный
Съ сырыхъ песковъ слѣды подковъ...

ПОТОПЪ.

ХАЛДЕЙСКІЕ МНОУ.

Когда ковчегъ былъ конченъ и наполненъ
И я, царь Касисадра, Ксисутросъ,
Зарыль въ Сиппарѣ хартіи закона,
Раздался съ неба голосъ: „На закатѣ
На землю хлынетъ ливень. Затвори
Въ ковчегѣ дверь“. И вотъ настало время
Войти въ ковчегъ. Со страхомъ ждалъ я ночи
И въ страхѣ затворилъ я дверь ковчега,
И въ страхѣ поручилъ свою судьбу
Бусуркургалу, кормчому. А утромъ
Поднялся вихрь—и тучи охватили
Изъ края въ край всю землю. Роману
Гремѣлъ среди небесъ. Нѣбо и Сарру
Согласно надвигались по долинамъ
И по горамъ. Нергалъ далъ волю вѣтру.
Нинипъ наполнилъ рѣки, и несли
Смерть и погибель Геніи. До неба
Достигли воды. Свѣтъ потухъ во мракѣ
И братъ не видѣлъ брата. Сами боги
Къ вершинамъ Анну въ страхѣ поднялись
И на престолахъ плакали, и съ ними

Истара горько плакала. Шестъ дней
И семь ночей свирѣпствовали въ мѣрѣ
Вихрь, ураганъ и вѣтеръ—наконецъ,
Съ разсвѣтомъ дня, смирились. Воды пали
И ливень стихъ. Я плакалъ о погибшихъ,
Носясь по волѣ волнъ—и предо мною,
Какъ бревна, трупы плавали. Я плакалъ,
Открывъ окно и увидавши солнце.

АГНИ.

Лежу во тьмѣ, сраженный злою силой.
Лежу и жду, недвижимый и нѣмой:
Идутъ, поютъ надъ вырытой могилой,
Несутъ огни,—вѣщаютъ жребій мой.

Звенять въ щиты, зовутъ меня домой,
Въ стоустый вопль сливаютъ плачь унылый.
Но мнѣ легко: ты, Агни свѣтлокрылый,
Спасешь меня, разъединишь со тьмой.

Смотрите, братья, недруги и други,
Какъ богъ, гудя, охватитъ мой костеръ,
Отсвѣчивая золотомъ въ кольчугѣ!

Смирите скорбь рыдающихъ сестеръ:
Богъ взялъ меня и жертвою простеръ,
Чтобъ возродить на свѣтозарномъ Югѣ!

СТОЛПЪ ОГНЕННЫЙ.

Въ пустынь долго, долго мы блуждали,
Томительно намъ знойный день свѣтилъ,
Во мгlistыя сверкающія дали
Туманный Столпъ предъ нами уходилъ.

Но пала ночь—и скрылся столпъ туманный,
Миражъ исчезъ, сильнѣе дышитъ грудь—
И іламенемъ къ землѣ обѣтованной
Намъ Ягве указываетъ путь!

ДЕНЬ ГНѢВА.

АПОКАЛИПСИСЪ, VI.

...И Агнецъ снялъ четвертую печать.
И услыхалъ я голосъ, говорившій:
„Возстань. Смотри!“ И я взглянулъ: конь блѣденъ,
На немъ же мощный всадникъ—Смерть. И Адъ
За нею шелъ, и власть у ней была
Надъ четвертью земли, да умерщвляетъ
Мечомъ и голодомъ, моромъ и звѣрями.

И пятую Онъ снялъ печать. И видѣлъ
Я подъ престоломъ души убиенныхъ,
Вопившія: „Доколѣ, о Владыко,
Не судишь ты живущихъ на землѣ
За нашу кровь?“—И были имъ даны
Одежды бѣлоснѣжныя, и было
Имъ сказано: да почіють, покуда
Сотрудники и братья ихъ умрутъ,
Какъ и они, за словеса Господни.

Когда же снялъ шестую Онъ печать,
Взглянулъ я вновь, и вотъ—до основаній

Потрясса міръ, и солнце стало мрачно,
Какъ вретѣще, и ликъ луны—какъ кровь;
И звѣзды устремились внизъ, какъ въ бурю
Незрѣлый плодъ смоковницы, и небо
Свилось, какъ свитокъ хартіи, и горы,
Колеблясь, съ мѣста двинулись; и всѣ
Цари земли, вельможи и владыки,
Богатые и сильные, рабы
И вольные—всѣ скрылися въ пещеры,
Въ ущелья горъ, и говорятъ горамъ
И камнямъ ихъ: „Падите и сокroyте
Насъ отъ лица Сидящаго во славѣ
И гнѣвѣ Агнца: ибо настаетъ
Великій день Его всеильной кары!“

СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

АПОКАЛИПСИСЪ, I.

Я, Іоаннъ, вашъ братъ и соучастникъ
Въ скорбяхъ и царствѣ Господа, былъ изгнанъ
На Патмосъ за свидѣтельство Христа.

Я осѣненъ былъ духомъ въ день воскресный
И слышалъ за собою какъ бы трубный
Могучій гласъ: „Я Алфа и Омега“.

И обратился, дабы видѣть очи
Того, кто говоритъ, и, обратившись,
Увидѣлъ семь свѣтильниковъ золотыхъ.

И посреди ихъ пламенниковъ—мужа,
Подиромъ облеченнаго по стану
И въ поясѣ изъ золота—по персямъ.

Глава его и волосы сіяли,
Какъ горный снѣгъ, какъ бѣлая ярина,
И точно пламень огненный—глаза.

Стопы его—халколиванъ горящій,
Какъ будто раскаленные въ горнилѣ,
И гласъ Его былъ шумомъ многихъ водъ.

Семь звѣздъ въ Его десницѣ, мечъ струился
Изъ устъ Его, и ликъ Его—какъ Солнце,
Блещающее въ славѣ силъ своихъ.

И, увидавъ, я палъ предъ Нимъ, какъ мертвый.

СОНЪ.

Изъ кн. пророка Данила.

Царь! вотъ твой сонъ: блисталъ передъ тобою
Среди долинъ огромный истуканъ,
Поправшій землю глиняной стопою.

Червонный ликъ былъ истукану данъ,
Изъ серебра имѣлъ онъ грудь и длани,
Изъ мѣди—бедря мощныя и станъ.

Но пробилъ часъ, назначенный заранѣ—
И сорвался въ долину самъ собой
Тяжелый камень съ дальней горной грани.

Царь! пробилъ часъ, назначенный судьбой:
Тотъ камень палъ, смѣшавъ металлы съ глиной,
И поднялъ прахъ, какъ пыль надъ молотъбой.

Богъ сокрушилъ металла блескъ въ единый
И краткій мигъ: развѣялъ безъ слѣда,
А камень сталъ великою вершиной.

Онъ овладѣлъ вселенной. Навсегда.

ЭЛЬБУРСЪ.

ИРАНСКІЙ МНОЪ.

На льдахъ Эльбурса солнце всходитъ.
На льдахъ Эльбурса жизни нѣтъ.
Вокругъ него на небосводѣ
Течеть алмазный кругъ планетъ.

Туманъ, всползающій на скаты,
Вершинъ не въ силахъ досягнуть:
Однимъ небеснымъ лазатамъ
Къ вѣнцу земли доступенъ путь.

И Митра, чье святое имя
Благословляетъ вся земля,
Восходитъ первый между ними
Зарей на льдистыя поля.

И свѣтитъ ризой златотканной,
И озираетъ съ высоты
Истоки рѣкъ, пески Ирана
И горъ волнистые хребты.

АТЛАНТЪ.

...И долго, долго шли мы плоскогорьемъ
Межъ дикихъ скалъ—все выше, выше, къ небу
По камнямъ и кустарникамъ, въ туманѣ,
То закрывавшемъ солнце, то, какъ дымъ,
По вѣтру проносившемся предъ нами—
И вдругъ обрывъ, бездонное пространство
И глубоко въ пространствѣ—необъятный,
Туманно восходящій къ горизонту
Своей воздушно-зыбкою равниной
Лилово-синій южный Океанъ...
И Сатана спросилъ, остановившись:
„Ты вѣришь ли въ преданія, въ легенды?“

Еще былъ мартъ, и только что мы вышли
На высшій изъ утесовъ надъ обрывомъ,
Навстрѣчу намъ пахнуло зимней бурей,
И увидалъ я съ горной высоты,
Что пышность южныхъ красокъ въ Океанѣ
Ея дыханьемъ мгlistымъ смягчена,
И что въ горахъ, къ востоку уходящихъ
Излучиной хребтовъ своихъ, бѣлѣютъ,

Сквозь тусклость отдаленія, снѣга—
Заоблачные царственные кряжи
Въ холодныхъ вѣчныхъ саванахъ своихъ.
И Духъ спросилъ: „ты вѣришь ли въ Атланта?“

Крѣпясь, стоялъ я на скалѣ, а вѣтеръ
Сорвать меня пытался, проносясь
Съ звенящимъ завываньемъ въ низкорослыхъ,
Измятыхъ, искривленныхъ бурей соснахъ,
И доносилъ изъ глубины глухой
Широкій шумъ—шумъ Вѣчности—протяжный
Шумъ дальнихъ волнъ... И, какъ орелъ, впервые
Взмахнувшій изъ родимаго гнѣзда
Надъ ширью Океана, былъ я счастливъ
И упоенъ твоею первозданной
Непостижимой силою, Атлантъ!
—О, да, Титанъ, я вѣрилъ, жадно вѣрилъ.

ЗОЛОТОЙ НЕВОДЪ.

Волна ушла—блестятъ, какъ золотые,
На солнцѣ валуны.
Волна идетъ — какъ изъ стекла литые,
Идутъ бугры волны.

По нимъ скользитъ, колышется медуза,
Живой морской цвѣтокъ...
Но вотъ волна изнемогла отъ груза
И пала на песокъ.

Зеркальной зыбью блещетъ и дробится,
А солнце подъ водой
По валунамъ скользитъ и шевелится,
Какъ неводъ золотой.

НОВОСЕЛЬЕ.

Весна! Темнѣтъ надъ ауломъ,
Свѣтъ фіолетовый мелькнулъ—
И горный кряжъ стократнымъ гуломъ
Отвѣтилъ на громовый гулъ.

Весна! Справляя новоселье,
Она веселый катитъ громъ
И будитъ звучное ущелье,
И сыплеть съ неба серебромъ.

ДАГЕСТАНЪ.

Насторожись, стань крѣпче въ стремена.
Въ ущельи мракъ, шумящiе каскады.
И до небесъ скалистыя громады
Встають въ концѣ ущелья, какъ стѣна.

Надъ ихъ челомъ—далекихъ звѣздъ алмазы.
А на груди, въ зловѣщей темнотѣ,
Лежить ауль—драконъ тысячеглазый,
Горить огнями въ высотѣ.

ПОСЛУШНИКЪ.

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

„Братъ, какъ пасмурно въ кельѣ!
Бѣлый снѣгъ лежитъ въ ущельи.

Но на скатѣ, на льдинѣ
Видѣлъ я подснѣжникъ синій“.

— „Братъ, ты бредишь, ты блѣдень!
Горный край суровъ и бѣдень.

Монастырь нашъ высоко.
До весны еще далеко“.

„Не пугайся, братъ милый!
Скоро смолкнетъ бредъ унылый —

Къ ночи выюга пустыни
Занесетъ подснѣжникъ синій!“

ХАЯ-БАШЪ.

Ночь идетъ,—молись слуга Пророка.
Ночь идетъ—и Хая-Башъ встаетъ.
Вѣтеръ съ горъ, онъ крѣпнетъ—и широко,
Какъ саазъ, туманный боръ поетъ.

Ты уже высоко,—отъ аула
Ты уже далеко. А въ бору
Зимней стужей съ Хая-Башъ пахнуло,
Задымились сосны на вѣтру.

Васъ у перевала только двое—
Ты да конь. А боръ померкъ, дымить.
Звонкій вѣтеръ въ крѣпкой синей хвоѣ
Все звончѣй и сумрачнѣй шумить.

Гдѣ ты заночуешь? Зябнетъ тѣло,
Зябнетъ сердце... Конь не пиль съ утра...
Видишь-ли сквозь сосны? Побѣлѣла
Хая-Башъ, гранитная гора.

Тамъ нависло небо низко, низко,
Тамъ снѣга и зимняя тоска...
А ужъ если своды неба близко—
Значить, смерть близка.

* Хая башъ—мертвая голова.

НА ОБВАЛѢ.

Печальный берегъ! Сизыя твердыни
Гранитныхъ стѣнъ до облаковъ встаютъ,
А ниже—хаосъ каменной пустыни,
Лавина щебня, дьявола пріютъ.

Но нищета смиренна. Одиноко
Она ушла на берегъ—и къ скалѣ
Прилипла сакля... Вѣрный рабъ Пророка
Довольствуется малымъ на землѣ.

И вотъ—жилъе. Надъ хижиной убогой
Дымокъ синѣеть... Прыгаетъ коза...
И со скалы, нависшей надъ дорогой,
Блестятъ агатомъ дѣтскіе глаза.

ВЪ КРЫМСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Синѣтъ снѣговой просторъ,
Померкла степь. Бѣлѣе снѣга
Мерцаетъ дѣвственная Вега
Надъ дальнимъ станомъ крымскихъ горъ.

Ужъ сумракъ палъ, какъ пепель сизый,
Какъ дымъ угасшаго костра:
Лишь свѣтится багряной ризой
Престоль Аллы—Шатеръ-Гора.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

изъ „КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ“ МИЦКЕВИЧА.

Повѣялъ вѣтерокъ, прохладю лаская.
Свѣтильникъ міра палъ съ небесъ на Чатырдахъ,
Разбился, расточилъ багрянецъ на скалахъ
И гаснетъ. Тьма растетъ, молчаніемъ пугая.

Чернѣютъ гребни горъ, въ долинахъ ночь глухая,
Какъ будто въ полуснѣ журчатъ ручьи впотьмахъ;
Ночная пѣснь цвѣтовъ—дыханье розъ въ садахъ—
Беззвучной музыкой плыветъ, благоухая.

Дремлю подъ темными крылами тишины.
Вдругъ метеоръ блеснулъ—и, ослѣпляя взоры,
Потопомъ золота залилъ лѣса и горы.

Ночь! одалиска ночь! Ты навѣваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнетъ—
Твой искрометный взоръ тотчасъ же снова вспыхнетъ!

АЙЯ-СОФІЯ.

Свѣтильники горѣли, непонятный
Звучалъ языкъ,—Великій Шейхъ читалъ
Святой Коранъ,—и куполь необъятный
Въ угрюмомъ мракѣ пропадалъ.

Кривую саблю вскинувъ надъ толпою,
Шейхъ поднялъ ликъ, закрылъ глаза—и страхъ
Царилъ въ толпѣ, и мертвою, слѣпою
Она лежала на коврахъ...

А утромъ храмъ былъ свѣтелъ. Все молчало
Въ смиренной и священной тишинѣ,
И солнце ярко куполь озаряло
Въ непостижимой вышинѣ.

И голуби въ немъ, рѣя, ворковали,
И съ вышины, изъ cadaго окна,
Просторъ небесъ и воздухъ сладко звали
Къ тебѣ, Любовь, къ тебѣ, Весна!

КЪ ВОСТОКУ.

Вотъ и скрылись, позабылись снѣжныхъ горъ чалмы.
Зной пустыни, путь къ востоку, мертвые холмы.

Каменистый, красно-сѣрый, мутный океанъ
Безъ конца уходитъ въ знойный, въ голубой туманъ.

И все жарче, жарче вѣтъ изъ степей теплынь,
И все суше, рѣзче пахнетъ горькая полынь.

И холмы все безнадежнѣй. Глина, роговикъ...
День тутъ свѣтелъ, безконечень, вечеръ синь и дикъ

И едва стемнѣетъ, смеркнетъ, гдѣ-то между скалъ,
Какъ дитя, какъ джинъ пустыни, плачется шакалъ,

И на мягкихъ крыльяхъ совки трепетно парятъ,
И на тускломъ небѣ звѣзды сумрачно горятъ.

ПУТЕВОДНЫЕ ЗНАКИ.

Онъ ставить пугеводные знаки.

Коранъ

Богъ для ночныхъ паломниковъ въ Могребѣ
Зажегъ огни—святыя звѣзды Пса.
Привѣтъ тебѣ, сверкающая въ небѣ
Алмазно-синяя роса!

Путь по пескамъ отъ Газы до Арима
Богъ оживилъ примѣтами, какъ встарь.
Привѣтъ вамъ, камни—четки пилигрима—
Въ пустынѣ ведшіе Агарь!

Костями Богъ усѣялъ всѣ дороги,
Какъ слѣдъ гienъ среди ущелій Ти.
Привѣтъ вамъ, почивающіе въ Богѣ,
Намъ проторившіе пути!

ПАСТУХИ.

Просвѣтляйтесь на закатѣ.

Коранъ.

Тонетъ солнце, рдянымъ углемъ тонетъ
За пустыней сизой. Дремлетъ, клонить
Головы баранта. Близокъ часъ:

Мы проводимъ солнце, обувь скинемъ
И свершимъ подъ звѣзднымъ, темно-синимъ
Милосердымъ небомъ свой намазъ.

Пастухи пустыни, что мы знаемъ!
Мы, какъ сказки дѣтства, вспоминаемъ
Минареты нашихъ отчихъ странъ.

Разверни же, Вѣчный, надъ пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звѣздъ небесныхъ—нашъ Коранъ!

И, склонивъ колѣни, мы закроемъ
Очи въ сладкомъ страхѣ, и омоемъ
Лица холодѣющимъ пескомъ,

И возвысивъ голосъ, и съ мольбою
Разольемся въ прахъ предъ Тобою,
Какъ волна на берегу морскомъ.

МИРАЖЪ.

Мы дали тебѣ Ковсерь.

Коранъ.

Здѣсь царство сновъ. На сотни верстъ безлюдны
Солончаковъ нагіе берега.
Но воды въ нихъ—небесно изумрудны,
А шелкъ песковъ бѣлѣе, чѣмъ снѣга.

Въ шелкахъ песковъ лишь сизыя полыни
Раститъ Аллахъ для кочевыхъ отаръ.
Но небеса здѣсь несказанно сини
И солнце въ нихъ—какъ адскій огонь, Сакаръ.

И въ знойный часъ, когда миражъ зеркальный
Сольетъ весь міръ въ одинъ великій сонъ,
Въ безбрежный блескъ, за грань земли печальной,
Въ сады Джиннатъ уносить душу онъ.

А тамъ течеть, тамъ льется за туманомъ
Рѣка всѣхъ рѣкъ, лазурная Ковсерь,
И всей землѣ, всѣмъ племенамъ и странамъ
Сулить покой... Терпи, молись—и вѣрь.

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ.

Онъ драгоцѣнной яшмой былъ когда-то,
Онъ былъ неизреченной бѣлизны—
Какъ цвѣтъ садовъ блаженнаго Джинната,
Какъ горный снѣгъ въ дни солнца и весны.

Духъ Гавріиль для старца Авраама
Его нашель среди песковъ и скаль,
И геніи хранили двери храма,
Гдѣ онъ жемчужной грудой сверкаль.

Но шли вѣка—со всѣхъ концовъ вселенной
Къ нему неслись молитвы, и рѣкой
Текли во храмъ, далекій и священный,
Сердца, обремененныя тоской...

Аллахъ! Аллахъ! Померкъ твой даръ безцѣнный —
Померкъ отъ слезъ и горести людской!

МУДРЫМЪ.

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки,
Герой врагу безумный далъ отпоръ,
Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
Какъ искрометный метеоръ.

А трусь—живеть. Онъ тоже мечь лелѣеть,
Онъ точить мѣткій дротикъ, но тайкомъ.
О, да, онъ—мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣеть:
Какъ огонекъ подъ кизякомъ.

ЗЕЛЕНЫЙ СТЯГЪ.

Ты почишь въ ларцѣ, въ драгоцѣнномъ ковчегѣ,
Ветхій дѣньми, Эски,
Ты, сзывавшій на брань и святыя набѣги
Чрезъ моря и пески.

Ты уснулъ, но твой сонъ—золотыя видѣнья.
Ты сквозь сорокъ шелковъ
Дышишь запахомъ розъ и дыханіемъ тлѣнья—
Ароматомъ вѣковъ.

Ты покоишься въ мирѣ, о слава Востока!
Но сердца покорилъ
Ты на вѣкъ. Не тебя ль надъ главою Пророка
Воздвигалъ Гавріилъ?

И не ты ли царишь надъ Востокомъ донынѣ?
Развернися, возстань—
И возстанетъ Исламъ, какъ самумы пустыни,
На священную брань!

Проклять тотъ, кто вельнй Корана не слышитъ.

Проклять тотъ, кто угасъ

Для молитвы и битвь,—кто для жизни не дышитъ,

Какъ безплодный Геджасъ.

Ангель Смерти сойдетъ въ гробовыя пещеры,—

Ангель Смерти сквозь тьму

Вопрошаетъ у мертвыхъ ихъ символы вѣры:

Что мы скажемъ Ему?

СВЯЩЕННЫЙ ПРАХЪ.

Пыль, по которой Гавріиль
Свой путь незримый совершаетъ
Въ полночный часъ среди могиль,
Цѣлитъ и мертвыхъ воскрешаетъ.

Прахъ, на которой пала кровь
Погибшихъ въ битвѣ за свободу,
Благоговѣнье и любовь
Внушаетъ мудрому народу.

Прильни къ нему, благослови
Мигъ созерцанія святыни—
И въ битву мести и любви
Возстань, какъ ураганъ пустыни.

ЗА ИЗМѢНУ.

Вспомни тѣхъ, что покинули
страну свою ради страха смерти.

Коранъ.

Ихъ Господь истребилъ за измѣну несчастной отчизнѣ,
Онъ костями ихъ тѣлъ, черепами усѣялъ поля.
Воскресилъ ихъ пророкъ: онъ просилъ имъ у Господа жизни.
Но позора Земли никогда не прощаетъ Земля.

Двѣ легенды о нихъ прочиталъ я въ легендахъ Востока.
Милосердна одна: воскрешенные пали въ бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили въ пустынномъ и дикомъ краю.

Въ день возстанья изъ мертвыхъ одежды ихъ черными стали,
Въ знакъ того, что на нихъ—замогильнаго тлѣнiя слѣдъ,
И до гроба ихъ лица, склоненныя долу въ печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвѣтъ.

АВРААМЪ

КОРАНЪ, VI.

Былъ Авраамъ въ пустынь темной ночью
И увидалъ на небесахъ звѣзду.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но въ полночь
Звѣзда зашла—и свѣтъ ея померкъ.

Былъ Авраамъ въ пустынь предъ разсвѣтомъ
И восходящій мѣсяцъ увидалъ.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но мѣсяцъ
Померкъ и закатился, какъ звѣзда.

Былъ Авраамъ въ цустынь раннимъ утромъ
И руки къ солнцу радостно простеръ.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но солнце
Свершило день и закатилось въ ночь.

Богъ правый путь повѣдалъ Аврааму.

НОЧЬ АЛЬ-КАДРА.

Въ эту ночь ангелы сходятъ
съ неба. И до зари царить въ
эту ночь миръ.

Коранъ.

Ночь Аль-Кадра... Сошлись, слились вершины
И выше къ небесамъ воздвиглись ихъ чалмы.
Пѣль муэззинъ... Еще алѣютъ льдины,
Но изъ тѣснинъ, съ долинъ ужъ дышитъ холодъ тьмы.

Ночь Аль-Кадра... По темнымъ горнымъ склонамъ
Еще спускаются, слоятся облака.
Пѣль муэззинъ... Передъ Великимъ Трономъ
Уже течетъ, дымясь, Алмазная Рѣка.

И Гавріиль—неслышно и незримо—
Обходитъ спящій міръ... Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай землѣ Твоей ночь мира и любви!

× САТАНА—БОГУ.

И когда мы сказали ангеламъ:
падите ницъ передъ Адамомъ, всѣ
пали, кромѣ Эблиса, сотвореннаго
изъ огня.

Коранъ.

Я—изъ огня, Адамъ—изъ мертвой глины,
И Ты велишь мнѣ предъ Адамомъ пасть!
Что-жь, сѣй въ огонь листову сухой маслины—
Смирай листовою его живую страсть.

О, не смиришь! Я только выше вскину
Свой красный стягъ. Смотри: ужъ Твой Адамъ
Охваченъ мной!—Я выжгу эту глину,
Я, какъ гончаръ, закалъ и звукъ ей дамъ.

ДЖИНЫ.

Стынуть пески въ тишинѣ и молчаніи ночи...
Вдругъ зашумѣло сухимъ и холоднымъ пескомъ,
Пыль за клубилась, сверкнули несмѣтныя очи,
Вѣтромъ пахнуло—и снова все стихло кругомъ.

Звѣзды горять надъ безлюдною, мертвой землею,
Царственно блещетъ святое созвѣздіе Пса...
Вдругъ потемнѣло—и огненно красной змѣею
Кто-то прорѣзалъ надъ темной землей небеса.

Путникъ, не бойся! Въ пустынѣ чудеснаго много:
Это не вихри, а джины тревожатъ ее,
Это архангелъ, слуга милосерднаго Бога,
Въ демоновъ ночи метнулъ золотое копье.

Демоны всюду преграды куютъ человѣку—
Имъ ненавистна святая дорога во храмъ.
Но не страшись: на разсвѣтѣ увидишь ты Мекку
И облечешься въ ирамъ.

ЗЕЙНАБЪ.

Зейнабъ, свѣжестъ очей! Ты—арабскій кувшинъ:
Чѣмъ душиѣе въ палаткахъ пустыни,
Чѣмъ стремительнѣй дуетъ горячій хамсинъ,
Тѣмъ вода холоднѣе въ кувшинѣ.

Зейнабъ, свѣжестъ очей! Ты строга и горда:
Чѣмъ безумнѣе любишь—тѣмъ строже.
Но сладка, о сладка ледяная вода,
А для путника—жизни дороже!

СКЛОНЪ ГОРЪ.

Склонъ горъ, сады и минареть.
Къ звѣздамъ стремятся кипарисы,
Спитъ море. Теплый лунный свѣтъ
Позолотилъ холмы и мысы.

И кротокъ этотъ свѣтъ: насталь
Чась мертвой тишины—ужъ клонить
Луна свой ликъ, ужъ между скалъ
Протяжно полуночникъ стонеть.

И замеръ аромать садовъ.
Узорный блескъ подъ ихъ вѣтвями
Сталь угасать среди цвѣтовъ,
Сплетаясь съ длинными тѣнями.

И неподвижно Ночь сидить
Надъ тихимъ моремъ: на колѣно
Облокотилася,—глядить
На валуны, гдѣ блещеть пѣна.

Передразсвѣтнѣй лунный свѣтъ
Чуть золотитъ холмы и мысы,
Свѣчей желтѣетъ минаретъ,
Чернѣютъ маги-кипарисы,

Блестя, ушелъ въ морской просторъ
Заливъ зеркальными луками,
Таинственно вершины горъ
Мерцаютъ вѣчными снѣгами.

БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ.

Въ пустынь красной надъ Пророкомъ
Летѣлъ архангелъ Гавріиль
И жгучій зной въ пути далекомъ
Смягчалъ сіяньемъ бѣлыхъ крыль.

И я въ пути, и я въ пустынь.
И я, не смѣя отдохнуть,
Какъ Магометъ къ святой Мединѣ,
Держу къ завѣтной цѣли путь.

Но зной не жжетъ—твоимъ привѣтомъ
Я и донинѣ осѣненъ:
Мірѣ серебристымъ нѣжнымъ свѣтомъ
Передо мною напоенъ.

ГРОБНИЦА САФИИ.

Горный ключъ по скатамъ и оврагамъ,
Полусонный, убѣгаетъ внизъ.
Какъ чернецъ, надъ бѣлымъ саркофагомъ
Въ синемъ небѣ замеръ кипарисъ.

Нѣжныя, какъ дѣвушки, мимозы
Льютъ подъ нимъ узоръ своихъ вѣтвей,
И цвѣтутъ, благоухаютъ розы
На кустахъ, гдѣ плачетъ соловей.

Ниже—дикій берегъ и туманный,
Еле уловимый горизонтъ:
Тамъ просторъ воздушный и безгранный,
Голубая бездна—Геллеспонтъ.

Миръ тебѣ, о юная! Смиренно
Я цѣлую бѣлое тюрбэ:
Пять вѣковъ безсмертна и нетлѣнна
На Востокѣ память о тебѣ.

Счастливъ тотъ, кто жизнью міръ плѣняетъ.
Но стократъ счастливѣй тотъ, чей прахъ
Вѣру въ жизнь безсмертную всеяетъ
И цвѣтетъ легендами въ вѣкахъ!

ТЭМДЖИДЪ.

Онъ не спитъ, не дремлетъ.

Коранъ.

Въ тихомъ старомъ городѣ Скутари,
Каждый разъ, какъ только надлежитъ
Быть срединѣ ночи,—раздается
Грустный и задумчивый Тэмджидъ.

На срединѣ между раннимъ утромъ
И вечернимъ сумракомъ, встаютъ
Дервиши Джелвети и на башнѣ
Древній гимнъ, святой Тэмджидъ поютъ.

Спятъ сады и спятъ гробницы въ полночь,
Спитъ Скутари... Все, что спитъ, молчитъ.
Но подъ звѣзднымъ небомъ, съ темной башни
Не для спящихъ этотъ гимнъ звучитъ:

Есть глаза, чей скорбный взглядъ съ тревогой,
Съ тайной мукой въ сумракъ устремлень,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призываютъ благодатный сонъ.

Тяжела, темна стезя земная...
Но зачтется въ небѣ каждый вздохъ:
Спите, спите! Онъ не спитъ, не дремлетъ,
Онъ васъ помнитъ, милосердный Богъ.

ТАЙНА.

Элифъ. Ламъ. Мимъ.

Корамъ.

Онъ на клинокъдохнулъ—и жало
Его сирійскаго кинжала
Померкло въ дымкѣ голубой:
Подъ дымкой ярче заблистали
Узоры золота на стали
Своей червонною рѣзьбой.

„Во имя Бога и Пророка.
Прочти, слуга небесъ и рока,
Свой бранный кличъ: скажи, какимъ
Девизомъ твой клинокъ украшенъ?“
И онъ сказалъ: „Девизъ мой страшенъ.
Онъ—тайна тайнъ: Элифъ. Ламъ. Мимъ.“

„Элифъ, Ламъ, Мимъ? Но эти знаки
Темны, какъ путь въ загробномъ мракѣ:
Сокрылъ ихъ тайну Мохаммедъ“...
„Молчи, молчи!—сказалъ онъ строго,—
Нѣтъ въ мѣрѣ Бога, кромѣ Бога,
Сильнѣе тайны—силы нѣтъ“.

Сказаль, коснулся ятаганомъ
Чела подъ шелковымъ тюбаномъ,
Окинулъ знойный Атмейданъ
Лѣнливомъ взглядомъ хищной птицы—
И тихо синія рѣсницы
Опять склонилъ на ятаганъ.

ПТИЦА.

Мы привязали къ шеѣ каждаго его птицу.

Коранъ.

На всѣхъ на васъ—на каждой багряницѣ,
На каждомъ пыльномъ рубищѣ раба—
Есть амулетъ, подобный вѣщей птицѣ,
Есть тайный знакъ, и этотъ знакъ—Судьба.

Отъ древности, когда Онъ путь свой началъ,
Онъ совершалъ его среди гробовъ:
Богъ, проходя, свои слѣды означилъ
Зловѣщей бѣлизною череповъ.

Хамсинъ на нихъ горячей мглою дуетъ,
Песокъ, струясь, бѣжитъ по ихъ костямъ.
Всѣмъ чуждая, на нихъ сова ночуетъ
Среди могильныхъ ямъ.

БАЙРОНЪ

МАНФРЕДЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

*There are more things in heaven and earth, Horatio
Than are dreamt of in your philosophy.*

Shakspeare.

Dramatis personae:

Манфредъ.

Фея Альпъ.

Охотникъ за сернами.

Ариманъ.

Аббатъ Св. Маврикія.

Немезида.

Мануэль.

Парки.

Германъ.

Духи.

*Дѣйствіе происходитъ въ Бернскихъ Альпахъ,—частью въ замкѣ
Манфреда, частью въ горахъ.*

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Готическая галерея.—Полночь.

МАНФРЕДЪ, одинъ.

Ночникъ пора долить, хотя изсякнетъ
Онъ все-таки скорѣй, чѣмъ я усну;
Ночь не приноситъ мнѣ успокоенья
И не даетъ забыться отъ тяжелыхъ,
Несотразимыхъ думъ: моя душа
Не знаетъ сна, и я глаза смыкаю
Лишь для того, чтобъ внутрь души смотрѣть.
Не странно ли, что я еще имѣю
Подобіе и обликъ человѣка,
Что я живу? Но скорбь—наставникъ мудрыхъ;
Скорбь—знаніе, и тотъ, кто имъ богаче,
Тотъ долженъ былъ въ страданіяхъ постигнуть,
Что древо знанія—не древо жизни.
Науки, философію, всѣ тайны
Чудеснаго и всю земную мудрость—
Я все позналъ, и все постигъ мой разумъ:—
Что пользы въ томъ?—Я расточалъ добро
И даже самъ встрѣчалъ добро порою;
Я зналъ враговъ и разрушалъ ихъ козни,
И часто врагъ смирялся предо мной,—

Что пользы въ томъ?—Могущество и страсти,
Добро и зло—все, что волнуетъ міръ—
Все для меня навѣки стало чуждымъ
Въ тотъ адскій мигъ. Мнѣ даже страхъ невѣдомъ,
И осужденъ до гроба я не знать
Ни трепета надеждъ или желаній,
Ни радости, ни счастья, ни любви.—
Но часъ насталь.—

Таинственныя силы!

Властители вселенной безграничной,
Кого искалъ я въ свѣтѣ дня и въ тьмѣ!
Вы, въ воздухѣ сокрытые,—незримо
Живущіе въ эфирѣ,—вы, кому
Доступны горъ заоблачныя выси
И нѣдра скалъ, и бездны океана,—
Во имя чаръ, мнѣ давшихъ власть надъ вами,
Зову и заклинаю васъ: явитесь!

Молчаніе.

Отвѣта нѣтъ.—Такъ именемъ того,
Кто властвуетъ надъ вами,—начертаньемъ,
Которое васъ въ трепетъ повергаетъ,—
Велѣніемъ безсмертнаго!—Явитесь!

Молчаніе.

Отвѣта нѣтъ.—Но, духи тьмы и свѣта,
Вамъ не избѣгнуть чаръ моихъ: той силой,
Что всѣхъ неотразимѣ,—той властью,
Что рождена на огненномъ обломкѣ
Разрушеннаго міра,—на планетѣ,
Погибшей и навѣки осужденной
Блуждать среди предвѣчнаго пространства,
Проклятіемъ, меня гнетущимъ,—мыслью,
Живущею во мнѣ и вокругъ меня,—
Зову и заклинаю васъ: явитесь!

Въ темномъ концѣ галлерей появляется неподвижная звѣзда;
и слышится голосъ, который поетъ.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Смертый! На лучѣ звѣзды
Я спустился съ высоты.
Силѣ чарѣ твоихъ послушный,
Я покинулъ міръ воздушный,
Мой чертогъ среди ээира,
Нѣжно сотканный дыханьемъ
Тучъ вечернихъ и сіяньемъ
Золотистаго сафира
Въ предзакатной тишинѣ.
Смертный! Что велишь ты мнѣ?

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Монбланъ—царь горъ, онъ до небесъ
Возносится главою
На тронѣ скаль, въ порфирѣ тучъ,
Въ коронѣ снѣговой.
Лѣсами станъ его повить.
Громовой гуль лавинъ
Въ могучей длани держитъ онъ
Надъ синей мглой долинъ.
Вѣка вѣковъ громады льдовъ
Вдоль скаль его ползуть,
Но чтобъ низвергнуться во прахъ—
Моихъ велѣній ждуть.
Я грозный повелитель горъ,
Единымъ словомъ я
До нѣдръ ихъ потрясти могу—
Кто ты, чтобъ звать меня?

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Въ тишинѣ заповѣдной,
Въ синей безднѣ морей,

Гдѣ сирена влетаетъ
Перлы въ зелень кудрей,
Гдѣ во мракѣ таится
Водяная змѣя,—
Гуломъ бури твой голосъ
Долетѣлъ до меня.
Мой чертогъ изъ коралла
Онъ наполнилъ собой—
Что ты хочешь, о смертный?
Духъ морей предъ тобой!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Гдѣ нѣдра Вулкановъ
Кипятъ въ полуснѣ
И лава клокочетъ
Въ гудящемъ огнѣ,
Гдѣ Анды корнями
Ушли въ глубину,—
Вершинами гордо
Стремясь въ вышину,—
Во мракѣ подземномъ
Тебѣ я внималъ,
На зовъ твой покорно
Изъ мрака предсталъ!

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

Я духъ и повелитель бурь,
Я властелинъ вѣтровъ;
Свой путь къ тебѣ я совершалъ
Средь молній и громовъ.
Черезъ океанъ несъ ураганъ
Меня на голосъ твой:
Плылъ въ морѣ флотъ, но въ безднѣ водъ
Онъ будетъ предъ зарей!

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Духъ Ночи предъ тобой, духъ темноты—
Зачѣмъ меня терзаешь свѣтомъ ты?

СЕДЬМОЙ ДУХЪ.

Твоей звѣздою правилъ я
Въ тѣ дни, когда еще земля
Была не создана. То былъ
Міръ дивный, полный юныхъ силъ,
Міръ, затмѣвавшій красотой,
Теченьемъ царственнымъ своимъ,
Всѣ звѣзды, что блистали съ нимъ
Въ пустынѣ неба голубой.
Но часъ насталь—и навсегда
Померкла дивная звѣзда:
Огнистой глыбой безъ лучей,
Зловѣщимъ призракомъ ночей,
Безъ цѣли мчится въ даль она,
Весь вѣкъ блуждать осуждена.
И ты, родившійся подъ той
Для неба чуждою звѣздой,
Ты, червь, предъ кѣмъ склоняюсь я,
Въ груди презрѣнье затая,
Ты, властью, данною тебѣ,
Чтобы предать тебя Судьбѣ,
Призвавшій лишь на краткій мигъ
Меня въ толпу рабовъ своихъ,
Скажи, сынъ праха, для чего
Ты звалъ владыку своего?

СЕМЬ ДУХОВЪ.

Владыки горъ, вѣтровъ, земли и безднъ морскихъ,
Духъ воздуха, духъ тьмы и духъ твоей судьбы—

Всѣ притекли къ тебѣ, какъ вѣрные рабы,—
Что повелишь ты имъ? Чего ты ждешь отъ нихъ?

МАНФРЕДЪ.

Забвенія.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Чего—кого—зачѣмъ?

МАНФРЕДЪ.

Вы знаете. Того, что въ сердцѣ скрыто.
Прочтите въ немъ—я самъ сказать не въ силахъ.

ДУХЪ.

Мы можемъ дать лишь то, что въ нашей власти:
Проси короны, подданныхъ, господства
Хотя надъ цѣлымъ міромъ,—пожелай
Повелѣвать стихіями, въ которыхъ
Мы безгранично царствуемъ—все будетъ
Дано тебѣ.

МАНФРЕДЪ.

Забвенья—лишь забвенья.

Вы мнѣ сулите многое: ужели
Не въ силахъ дать лишь одного?

ДУХЪ.

Не въ силахъ.

Быть можетъ, смерть—

МАНФРЕДЪ.

Но дасть ли смерть зебвенью?

ДУХЪ.

Зебвеніе невѣдомо безсмертнымъ:
Мы вѣчны—и прошедшее для насъ

Сливается съ грядущимъ въ настоящемъ.
Вотъ нашъ отвѣтъ.

МАНФРЕДЪ.

Вы надо мной глумитесь;
Но властью чаръ, мнѣ давшихъ власть надъ вами,
Я царь для васъ.—Рабы, не забывайте!
Безсмертный духъ, наслѣдье Прометея,
Огонь, во мнѣ зажженный, такъ же ярокъ,
Могучъ и всеобъемлющъ, какъ и вашъ,
Хотя и облеченъ земною перстью.
Отвѣтствуйте—иль горе вамъ!

ДУХЪ.

Мы можемъ
Лишь повторить отвѣтъ; онъ заключенъ
Въ твоихъ словахъ.

МАНФРЕДЪ.

Въ какихъ?

ДУХЪ.

Ты говорилъ намъ,
Что равень намъ; а смерть для насъ—ничто.

МАНФРЕДЪ.

Такъ я напрасно звалъ васъ! Вы не въ силахъ,
Иль не хотите мнѣ помочь.

ДУХЪ.

Проси:
Мы все дадимъ, что только въ нашей власти.
Проси короны, мощи, долголѣтья—

МАНФРЕДЪ.

Проклятiе! Къ чему мнѣ долготѣе?
И безъ того дни долги!—Прочь!

ДУХЪ.

Помедли,
Подумай, прежде чѣмъ насъ отпустить.
Быть можетъ, есть хоть что-нибудь, что цѣнно
Въ твоихъ глазахъ?

МАНФРЕДЪ.

О, нѣтъ! Но предъ разлукой
Мнѣ хочется увидѣть васъ. Я слышу
Печальные и сладостные звуки,
Я вижу яркую недвижную звѣзду,
Но дальше—мракъ. Предстаньте предо мною,
Одинъ или всѣ, въ своемъ обычномъ видѣ.

ДУХЪ.

Мы не имѣемъ образовъ—мы души
Своихъ стихiй. Но выбери любую
Изъ формъ земныхъ—и примемъ мы ее.

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ ничего на всей землѣ, что бъ было
Отраднo мнѣ или ненавистно. Пусть
Сильнѣйшiй между вами приметъ образъ,
Какой ему пристойнѣе.

СЕДЬМОЙ ДУХЪ,

появляясь въ образѣ прекрасной женщины.

Смотри!

МАНФРЕДЪ.

О, Боже! Если ты не навожденье
И не мечта безумная, я могъ бы
Опять извѣдать счастье. О, приди,
Приди ко мнѣ, и снова—

Призракъ исчезаетъ.

Я раздавленъ!

Падаетъ безъ чувствъ.

ГОЛОСЪ,

произносящій заклинаніе.

Въ часъ, когда молчитъ волна,
Надъ волной горитъ луна,
Подъ кустами—свѣтляки,
Надъ могилой—огоньки;
Въ часъ, когда сова рыдаетъ,
Метеоръ скользя блистаетъ
Въ глубинѣ ночныхъ небесъ,
И недвиженъ темный лѣсъ—
Властью, силой роковой
Овладѣю я тобой.

Пусть глубоко твой будетъ сонъ —
Не коснется духа онъ.
Есть зловѣщія видѣнья,
Отъ которыхъ нѣтъ спасенья:
Тайной силою плѣненъ,
Въ кругъ волшебный заключенъ,
Ты нигдѣ ихъ не забудешь,
Никогда одинъ не будешь—
Ты замрешь на вѣки въ нихъ,—
Въ темныхъ силахъ чаръ моихъ.

И проклятыя вѣщій гласъ
Ужъ изрекъ въ полночный часъ
Надъ тобой свой приговоръ:
Въ вѣтрѣ будешь ты съ тѣхъ поръ
Слышать только скорбный стонъ;
Ночью, скорбью удрученъ,
Будешь солнца жаждасть ты;
Но едва изъ темноты
Выйдетъ солнце надъ тобой—
Будешь ночи ждасть съ тоской.

Я въ слезахъ твоихъ нашла
Ядъ холодной лжи и зла,
Въ сердцѣ, полномъ мукъ притворныхъ,
Кровь, чернѣе ядовъ черныхъ.
Сорвала я съ устъ твоихъ
Талисманъ тлетворный ихъ—
Твой коварно-тихий смѣхъ,
Какъ змѣя, плѣнявшій всѣхъ.
Всѣ отравы знаю я—
И сильнѣе всѣхъ—твоя.

Лицемѣремъ твоимъ,
Сердцемъ, жесткимъ и сухимъ,
Лживой нѣжностью очей,
Злобой, скрытою подъ ней,
Равнодушнымъ безучастьемъ
Къ братскимъ горестямъ, несчастьямъ
И умѣниемъ свой ядъ,
Свой змѣино-жадный взглядъ
Глубоко сокрыть въ себя—
Проклинаю я тебя!

Изливаю надъ тобой,
Уготованный судьбой,
Роковой фіаль твоихъ
Мукъ и горестей земныхъ:
Ни забвенья, ни могилы
Не найдетъ твой духъ унылый;
Заклинаньемъ очарованъ
И беззвучной цѣпью скованъ,
Безъ конца томись, страдай
И въ страданьяхъ—увядай!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Гора Юнгфрау.—Утро.—Манфредъ, одинъ на утесахъ.

МАНФРЕДЪ.

Сокрылись духи, вызванные мной,
Не принесли мнѣ облегченья чары,
Не помогла наука волшебства.
Я ужъ не вѣрю въ силы неземныя,
Онѣ надъ прошлымъ власти не имѣютъ,
А чтò мнѣ до грядущаго, покуда
Былое тьмой покрыто?—Мать Земля!
Ты, юная денница, вы, о горы,
Зачѣмъ вы такъ прекрасны?—Не могу
Я васъ любить.—И ты, вселенной око,
На цѣлый мѣръ отверстое съ любовью,
Ты не даешь отрады только мнѣ!
Вы, груды скаль, гдѣ я стою надъ бездной
И въ безднѣ надъ потокомъ различаю
Верхи столѣтнихъ сосенъ, превращенныхъ
Зіяющей стремниною въ кустарникъ,—
Скажите мнѣ, зачѣмъ надъ ней я медлю,
Когда одно движенье, лишній шагъ
Навѣки успокоили бы сердце
Въ скалистомъ ложѣ горнаго потока?

Оно зоветь—но я не внемлю зову,
Оно страшить—но я не отступаю,
Мутить мой умъ—и все же я стою:
Есть чья-то власть, что жизнь намъ сохраняетъ,
Что заставляетъ жить насъ, если только
Жить значить пресмыкаться на землѣ
И быть могилой собственного духа,
Утративъ даже горькую отраду—
Оправдывать себя въ своихъ глазахъ!

Пролетаетъ орель.

Могучій царь пернатыхъ, сынъ ээира,
Превыше тучъ парящій въ поднебесьи,
О, если бы мнѣ быть твоей добычей
И пищей для орлятъ твоихъ! Въ лазури
Чернѣешь ты, и я тебя чуть вижу,
Межъ тѣмъ какъ ты и внизъ, и вверхъ, и въ ширь
Пронзаешь взоромъ воздухъ!—Какъ прекрасенъ,
Какъ царственно-прекрасенъ міръ земной,
Какъ величавъ во всѣхъ своихъ явленьяхъ!
Лишь мы, что назвались его царями,
Лишь мы, смѣшенье праха съ божествомъ,
Равно и праху чуждые, и небу,
Мрачимъ своею двойственной природой
Его чело спокойное, волнуясь
То жаждою возвыситься до неба,
То жалкою привязанностью къ праху,
Пока не одолѣетъ прахъ, и мы
Не станемъ тѣмъ, чего назвать не смѣемъ,
Что намъ внушаетъ ужасъ.—Чу, свирѣль!

Вдали слышна свирѣль пастуха.

Патріархально-сладостные звуки
Далеко раздаются по ущельямъ,
Сливаясь съ колокольчиками стадъ,
И жадно я внимаю имъ.—О, если бъ

Я былъ незримымъ духомъ этихъ звуковъ,
Гармоніей свободной и живой,
Блаженствомъ безтѣлеснымъ, что рождается,
Живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ ними!

Снизу поднимается Охотникъ за сернами.

О Х О Т Н И К ъ .

Да, серна здѣсь промчалась! Но куда?
Какъ на-смѣхъ промелькнула и пропала!
Боюсь, что не окупится сегодня
Мой тяжкій трудъ.—Но кто это вдали?
Онъ съ виду не охотникъ, а поднялся
На высоту, которой достигаютъ
Лишь лучшіе охотники. На немъ
Богатый плащъ, онъ мужественно-строенъ
И гордъ, какъ сынъ свободнаго народа.
Пойду къ нему.

М А Н Ф Р Е Д ъ ,

не замѣчая охотника.

До срока посѣдѣтъ

Отъ скорбныхъ думъ, подобно этимъ жалкимъ
Обломкамъ сосенъ, бурей искривленнымъ,
Погубленнымъ одною зимней вьюгой,—
И быть такимъ, съ тоскою вспоминая
Иные дни, и на челѣ носить
Морщины, что оставили не годы,
А лишь мгновенья,—тяжкія мгновенья,
Ужасныя, какъ вѣчность! Вы, лавины!
Вы, глыбы льдовъ! Обрушьте на меня
И поглотите жизнь мою! Я слышу
Вашъ непрестанный грохотъ, но, свергаясь,
Вы губите лишь то, что жаждетъ жизни:
Цвѣтущій лѣсъ иль мирныя селенья.

О Х О Т Н И К Ъ .

Съ долины поднимаются туманы.
Скажу ему, что намъ пора спускаться,
Не то онъ здѣсь останется навѣки.

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Вкругъ ледниковъ дымится мгла и пахнетъ
Горящей сѣрой; бѣлыми клубами
Къ моимъ ногамъ всползають облака,
Какъ пѣна изъ пучины преисподней,
Съ тѣхъ жадныхъ волнъ, что роютъ берегъ жизни,
Обремененный грѣшными, какъ щебнемъ.—
Я задыхаюсь.

О Х О Т Н И К Ъ .

Онъ едва стоитъ:
Мнѣ нужно подойти къ нему тихонько,—
Иначе онъ сорвется.

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Съ тяжкимъ гуломъ
Обрушивались горы, прорывая
Ткань облаковъ и сотрясая Альпы,
Загромождали грудями обломковъ
Зеленяя цвѣтушія долины,
Запруживали рѣки, низвергаясь,
И въ пыль и мглу ихъ воды раздробляли.
Такъ нѣкогда палъ Розенбергъ.—Зачѣмъ
Я не стоялъ тогда въ его долинахъ?

О Х О Т Н И К Ъ .

Пріятель, осторожнѣй! Лишній шагъ—
И ты простишься съ жизнью. Ради Бога,
Отдвинься отъ обрыва!

МАНФРЕДЪ,

не слыша охотника.

Какъ спокойно
Уснулъ бы я! Мой прахъ не сталъ бы жалкой
Игрушкой вѣтра, не былъ бы развѣянъ
По скаламъ и утесамъ. А теперь—
Простите, небеса! О, не смотрите
Вы на меня съ такою укоризной—
Не для меня вы созданы.—Земля!
Прими меня!

Дѣлаетъ движеніе броситься со скалы, но охотникъ внезапно
схватываетъ и удерживаетъ его.

ОХОТНИКЪ.

Остановись, безумецъ!
Не оскверняй долину преступной кровью—
Иди за мной—я не пушу тебя!

МАНФРЕДЪ.

Какъ тяжело мнѣ!—Нѣтъ, не держи такъ крѣпко—
Я изнемогъ—кружась, мелькаютъ горы—
Въ глазахъ туманъ. Зачѣмъ ты здѣсь и кто ты?

ОХОТНИКЪ.

Скажу, скажу.—Теперь идемъ—все тонетъ
Въ туманѣ—опирайся на меня—
Стань вотъ сюда—сюда—и придержишь
За этотъ кустъ—дай руку и покрѣпче
Возьми меня за поясъ—легче!—такъ.
Теперь смѣлѣй—недалеко до дома—
Мы выберемся скоро на тропинку,
Прорытую ручьями.—Прыгай—славно!
Да ты любому горцу не уступишь!

Медленно спускаются по скаламъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Хижина въ Бернскихъ Альпахъ.

Манфредъ и Охотникъ.

ОХОТНИКЪ.

Нѣтъ, подожди—тебѣ еще опасно
Пускаться въ путь: ты слишкомъ изнемогъ,
Ты слабъ еще и тѣломъ, и душою.
Вотъ отдохнешь—тогда мы и пойдемъ.
Гдѣ ты живешь?

МАНФРЕДЪ.

Дорога мнѣ извѣстна.

Я въ провожатомъ больше не нуждаюсь

ОХОТНИКЪ.

По виду твоему я замѣчаю,
Что ты изъ тѣхъ, чьи замки такъ угрюмо
Глядятъ со скалъ на хижины въ долинахъ.
Который твой? Я знаю въ нихъ лишь входы,
Мнѣ изрѣдка доводится погрѣться
У очаговъ ихъ старыхъ темныхъ залъ,
За чашей, межъ вассаловъ, но тропинки,
Что съ горъ ведутъ къ воротамъ этихъ замковъ,
Извѣстны мнѣ съ младенчества. Гдѣ твой?

МАНФРЕДЪ.

Не все ль равно?

ОХОТНИКЪ.

Ну, хорошо, не хмурься,
Прости за спросъ. Отвѣдаемъ вина.
Старинное! Не разъ отогрѣвало
Оно меня средь нашихъ ледниковъ—
Теперь пускай тебя согрѣетъ.—Выпьемъ!

МАНФРЕДЪ.

Прочь отъ меня!—На кубкѣ кровь!—О, Боже,
Ужели *никогда* она не сгинетъ?

ОХОТНИКЪ.

Какая кровь? Ты бредишь?

МАНФРЕДЪ.

Наша кровь!

Та, что текла въ сердцахъ отцовъ и въ нашихъ,
Когда мы были юны и любили
Такъ горячо, какъ было грѣхъ любить,
Та, что встаетъ изъ праха, обагря
Мракъ, заступившій небо предло мною,
Гдѣ нѣтъ тебя, а мнѣ не быть—вовѣки.

ОХОТНИКЪ.

Ты странный и несчастный человѣкъ;
Но каковы бы ни были страданья,
Каковъ бы ни былъ грѣхъ твой, есть спасенье:
Терпѣніе, смиренье и молитва.

МАНФРЕДЪ.

Терпѣніе!—Нѣтъ, не для хищныхъ птицъ
Придуманно терпѣніе: для муловъ!

Прибереги его себѣ подобнымъ,—
Я изъ другой породы.

О Х О Т Н И К Ъ.

Боже мой!

Да я бѣ не взялъ безсмертной славы Теля,
Чтобъ быть тобой. Но повторю: въ гнѣвѣ
Спасенья нѣтъ; неси свой крестъ покорно.

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Я и несу. Вѣдь я живу—ты видишь.

О Х О Т Н И К Ъ.

Такая жизнь—болѣзненные корчи.

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Я говорю—я прожилъ много лѣтъ
И долгихъ лѣтъ, но что все это значить
Предъ тѣмъ, что суждено мнѣ: я столѣтъя,
Я вѣчность долженъ жить въ неугасимой
И тщетной жаждѣ смерти!

О Х О Т Н И К Ъ.

Какъ! Но ты
Совсѣмъ не старъ: ты среднихъ лѣтъ, не больше

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Скорѣй—отъ насъ самихъ.
Жизнь для меня—безмѣрная пустыня,
Безплодное и дикое побережье,
Гдѣ только волны стонутъ, оставляя
Въ нагихъ пескахъ обломки мачтъ да трупы,
Да водоросли горькія, да камни!

О Х О Т Н И К Ъ .

Увы, онъ сумасшедшій! Безъ призора
Его нельзя оставить.

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

О, повѣрь,—
Я былъ бы радъ безумію; тогда бы
Все, что я вижу, было бы лишь бредомъ.

О Х О Т Н И К Ъ .

Что жъ видишь ты, иль думаешь, что видишь?

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Тебя, сынъ горъ, и самого себя,
Твой мирный бытъ и кровь гостепріимный,
Твой духъ, свободный, набожный и стойкій,
Исполненный достоинства и гордый,
Затѣмъ, что онъ и чистъ, и непороченъ,
Твой трудъ, облагороженный отвагой,
Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдыхъ
И тихую могилу подъ крестомъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ.—Вотъ твой удѣлъ. А мой—
Но о что́ немъ—во мнѣ ужъ все убито!

О Х О Т Н И К Ъ .

И ты бь со мною долей помѣнялся?

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Нѣтъ, другъ, я не желаю зла тебѣ,
Я участію ни съ кѣмъ не помѣняюсь:
Я удрученъ, но все же выношу
То, что другому было бь не подъ силу

Перенести не только на яву,
Но даже въ сновидѣннн.

О Х О Т Н И К Ъ .

И съ такою
Душой, высокою, нѣжной, быть злодѣемъ,
Кривавой местию тѣшиться?—Не вѣрю!

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

О, нѣтъ—нѣтъ—нѣтъ! Я только тѣхъ губилъ,
Кѣмъ былъ любимъ, кого любилъ всѣмъ сердцемъ,
Враговъ я поражалъ, лишь защищаясь,
Но гибельны мои объятя были.

О Х О Т Н И К Ъ .

Пусть небо ниспешлетъ тебѣ покой
И покаянья сладостныя слезы!
Я буду поминать тебя въ молитвахъ.

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Я не нуждаюсь въ нихъ; но состраданья
Отвергнуть не могу.—Я ухожу—
Пора—прости! Вотъ золото—ты долженъ
Его принять.—Не провожай меня—
Путь мнѣ знакомъ, опасность миновала—
Еще разъ говорю—не провожай!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Нижняя долина въ Альпахъ.—Водопадъ.

МАНФРЕДЪ.

Еще не полдень: радуга сіяетъ
Въ потокѣ всѣми красками небесъ,
И серебромъ блистаетъ столпъ погока,
Свергаясь съ высоты и развѣваясь
Вдоль скалъ струями пѣны свѣтозарной,
Какъ хвостъ коня-гиганта, на которомъ
Въ видѣньи Іоанна мчится Смерть.
Одинъ я упиваюсь этой дивной
Игрою водъ, и сладость созерцанья
Я раздѣлю въ тиши уединенья
Лишь съ феей горъ.—Я вызову ее.

Зачерпываетъ на ладонь воды и бросаетъ ее въ воздухъ, вполголоса произнося заклинанія. Подъ радугой водопада появляется
Фея Альпъ.

Прелестный духъ, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослѣпительны, какъ солнце,
На чьихъ ланитахъ краски такъ же нѣжны,
Какъ цвѣтъ ланитъ уснувшего младенца,
Какъ алый отблескъ лѣтняго заката
На горныхъ льдахъ,—какъ дѣвственный румянецъ
Земли, въ объятъя неба заключенной!

Прелестный Духъ, затмившій красотою
Блескъ радуги, горящей надъ потокомъ,
Дочь Воздуха! Я на твоёмъ челѣ,
Въ твоёмъ спокойномъ и безгрѣшномъ взорѣ,
Гдѣ свѣтитъ миръ твоей души безсмертной,
Съ отрадою прочелъ, что Сынъ Земли,
Которому таинственныя силы
Дозволили вступать въ бесѣды съ ними,
Прощень тобой за то, что онъ дерзнулъ
Воззвать къ тебѣ и на одно мгновенье
Узрѣть твой ликъ.

Ф Е Я.

Я знаю, Сынъ Земли,
Тебя и тѣхъ, къмъ награжденъ ты властью.
Ты человѣкъ, свершившій въ жизни много
Добра и зла, не вѣдая въ нихъ мѣры,
И рокомъ на страданья обреченный.
Я этого ждала—чего ты хочешь?

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Взирать на красоту твою—и только.
Лицо земли мой разумъ помрачило,
Я въ мірѣ тайнъ убѣжища искалъ,
Въ жилищѣ тѣхъ, кто ею управляетъ,
Но помощи не встрѣтилъ. Я пытался
Найти въ нихъ то, чего они не могутъ
Мнѣ даровать,—теперь ужъ не пытаюсь.

Ф Е Я.

Но что же то, предъ чѣмъ безсильны даже
Властители незримаго?

МАНФРЕДЪ.

Ты знаешь
Нѣтъ цѣли повторять.

ФЕЯ.

Мнѣ непонятны
Твои слова,—я мукъ твоихъ не знаю.
Открой мнѣ ихъ.

МАНФРЕДЪ.

Мнѣ это будетъ пыткой,
Но все равно,—душа таить устала
Свою тоску. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ
Ни въ чемъ съ людьми я сердцемъ не сходилъ
И не смотрѣлъ на землю ихъ очами;
Ихъ цѣли жизни я не раздѣлялъ,
Ихъ жажды честолюбія не вѣдалъ,
Мои печали, радости и страсти
Имъ были непонятны. Я съ презрѣньемъ
Взиралъ на жалкій обликъ человѣка,
И лишь одно среди созданій праха,
Одно изъ всѣхъ—но послѣ. Повторяю:
Съ людьми имѣлъ я слабое общенье,
Но у меня была иная радость,
Иная страсть: Пустыня. Я съ отрадой
Дышалъ морозной свѣжестью на льдистыхъ
Вершинахъ горъ, среди нагихъ гранитовъ,
Гдѣ даже птицы гнѣздъ свивать не смѣютъ;
Я упивался юною отвагой
Въ борьбѣ съ волнами шумныхъ горныхъ рѣкъ,
Иль съ бѣшенымъ прибоемъ океана;
Я созерцалъ съ заката до разсвѣта
Теченье звѣздъ, я жадными очами,

До слѣпоты, ловилъ блистанье молній,
Иль по часамъ внималъ напѣвамъ вѣтра,
Въ осенній день, подъ шумъ поблекшихъ листьевъ.
Такъ дни текли, и я былъ одинокъ;
Когда же на пути моемъ встрѣчался
Одинъ изъ тѣхъ, чей ненавистный образъ
Ношу и я,—я чувствовалъ, что свергнуть
Съ небесъ во прахъ. И я проникъ въ могилы,
Стремясь постичь загробный міръ, и много
Извлекъ въ тѣ дни я дерзкихъ заключеній
Изъ череповъ, сухихъ костей и тлѣна.
Я предался таинственнымъ наукамъ,
Что знали только въ древности, и годы
Моихъ трудовъ и тяжелыхъ испытаній
Мнѣ дали власть надъ духами, открыли
Передо мной ликъ Вѣчности, и властенъ
Я сталъ, какъ магъ, какъ чародѣй, что вызвалъ
Въ Гадарѣ Антэроса и Эроса,
Какъ я тебя; и знанія мои
Во мнѣ будили жажду новыхъ знаній,
И крѣпъ я въ нихъ, покуда—

Ф Е Я.

Продолжай.

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

О, я не даромъ длить рассказъ: мнѣ больно
Произнести признанье роковое.
Но далѣе. Я не назвалъ ни друга,
Ни матери, ни милой—никого
Изъ тѣхъ, съ кѣмъ насъ связуютъ цѣпи жизни:
Я ихъ имѣлъ, но былъ имъ чуждъ душою,
И лишь одна, одна изъ всѣхъ—

Ф Е Я.

Мужайся.

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Она была похожа на меня.
Черты лица, цвѣтъ глазъ, волосъ и даже
Тонъ голоса—все родственно въ насъ было,
Хотя она была прекрасна. Насъ
Сближали одинаковыя думы,
Любовь къ уединенію, стремленья
Къ таинственнымъ познаніямъ и жажда
Обнять умомъ вселенную, весь міръ;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье къ людямъ, слезы и улыбки,—
Которыхъ я не вѣдаю,—смиренье,—
Моей душѣ не сродное,—и нѣжность,
Что только къ ней имѣлъ я; недостатки
Ея природы были и моими,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбилъ и погубилъ ее!

Ф Е Я.

Своей рукой?

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Нѣтъ, не рукою—сердцемъ,
Которое ея разбило сердце:
Оно въ мое взглянуло и увяло;
Я пролилъ кровь, кровь не ея, и все же
Была пролита кровь ея.

Ф Е Я.

И ради
Одной изъ тѣхъ, кого ты презираешь,

Надъ кѣмъ ты могъ возвыситься, дерзая
Быть равнымъ намъ, ты пренебрегъ дарами
Властителей незримаго и снова
Унизился до жалкихъ смертныхъ! Прочь!

МАНФРЕДЪ.

Дочь воздуха! Я говорю: я вынесъ—
Но что слова? Взгляни, какъ я измученъ!
Я больше одиночества не знаю,
Я окруженъ толпою фурій; ночью
Я скрежещу зубами, проклиная
Ночную тьму, днемъ—проклиная день.
Безумія, какъ милости, молилъ я,
Но небеса мольбамъ не внемлютъ; къ смерти
Стремился я, но средь борьбы стихій
Передо мною волны отступаютъ
И прочь бѣгутъ: какой-то злобный демонъ
На волоскѣ меня надъ бездной держитъ—
И волосокъ не рвется; въ мірѣ грезъ,
Въ фантазіи,—я былъ когда-то ею
Богатъ, какъ Крезъ,—пытался я сокрыться,
Но, какъ волну въ отливъ, меня уноситъ
Изъ міра грезъ въ пучину темной мысли;
Съ людской толпой сливался я—забвенья
Искалъ вездѣ, но отъ меня сокрыты
Пути къ нему: всѣ знанія, всѣ чары,
Что добылъ я столь тяжкими трудами,
Безильны здѣсь, и, въ безысходной скорби,
Я долженъ жить—жить безъ конца.

ФЕЯ.

Быть можетъ,

Я помогу тебѣ.

МАНФРЕДЪ.

О, помоги!

Заставь ее возстать на мигъ изъ гроба,
Иль мнѣ открой могилу. Я съ отрадой
Перенесу какую хочешь муку,
Но только пусть она послѣдней будетъ.

ФЕЯ.

Надъ мертвыми безсильна я; но если
Ты поклянешься мнѣ въ повиновеньи—

МАНФРЕДЪ.

Не поклянусь.—Повиноваться? Духамъ,
Которые подвластны мнѣ? Служить
Своимъ рабамъ? О, никогда!

ФЕЯ.

Ужели

Иного нѣтъ отвѣта?—Но подумай,
Не торопись.

МАНФРЕДЪ.

Я все сказалъ.

ФЕЯ.

Довольно!

Могу ль я удалиться?

МАНФРЕДЪ.

Удались.

Фея исчезаетъ.

МАНФРЕДЪ.

Мы всѣ—игрушки времени и страха.
Жизнь—краткій мигъ, и все же мы живемъ,

Клянемъ судьбу, но умереть боимся.
Жизнь насъ гнететь, какъ иго, какъ ярмо,
Какъ бремя ненавистное, и сердце
Подъ тяжестью его изнемогаетъ;
Въ прошедшемъ и грядущемъ (настоящимъ
Мы не живемъ) безмѣрно мало дней,
Когда оно не жаждетъ втайнѣ смерти,
И все же смерть ему внушаетъ трепеть,
Какъ ледяной потокъ. Еще одно
Осталось мнѣ—воззвать изъ гроба мертвыхъ,
Спросить у нихъ: что насъ страшить? Отвѣтитъ
Они должны: волшебницѣ Эндора
Отвѣтилъ духъ пророка; Клеоника
Отвѣтила Спартанскому царю,
Что ждетъ его—въ невѣдѣньи убилъ онъ
Ту, что любилъ, и умеръ непощеннымъ,
Хотя взывалъ къ Зевесу и молилъ
Тѣнь гнѣвную о милости;—былъ темень
Ея отвѣтъ, но все же онъ сбылся.
Когда бъ я нѣ жилъ, та, кого люблю я,
Была бъ жива; когда бъ я не любилъ,
Она была бы счастлива и счастье
Другимъ дарила. Гдѣ она теперь?
И чтò она? Страдалица за грѣхъ мой—
Тò, что внушаетъ ужасъ—иль ничто?
Ночь близится—и ночь мнѣ все откроетъ,
Хоть я страшусь того, на что дерзаю;
До сей поры безъ трепета взиралъ я
На демоновъ и духовъ—отчего же
Дрожу теперь и чувствую, какъ въ сердце
Какой-то странный холодъ проникаетъ?
Но нѣтъ того, предъ чѣмъ я отступилъ бы
И я сломлю свой ужасъ.—Ночь идетъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Вершина горы Юнгфрау.

ПЕРВАЯ ПАРКА.

Луна встаетъ большимъ багрянымъ шаромъ.
На высотѣ, гдѣ ни единый смертный
Не запятналъ снѣговъ своей стопой,
Слетаемся мы ночью. Въ дикомъ морѣ,
Въ хрустальномъ океанѣ горныхъ льдовъ,
Мы безъ слѣда скользимъ по ихъ изломамъ,
По глыбамъ, взгроможденнымъ другъ на друга,
Подобно бурнымъ пѣнистымъ волнамъ,
Застывшимъ посреди водоворота,
И вотъ на этой сказочной вершинѣ,
Гдѣ отдыхаютъ тучи мимоходомъ,
Сбираемся на игрища и бдѣнья.
Сегодня въ полночь—нашъ великій праздникъ,
И, на пути къ чертогамъ Аримана,
Я жду сестеръ.—Но что онѣ такъ медлятъ?

ГОЛОСЪ,

поющій вдалекѣ.

Злодѣй вѣнценосный,
Низвергнутый въ прахъ,

Томился въ изгнаньи,
Въ забвеньи, въ цѣпяхъ.
Я цѣпи разбила,
Росторгла тюрьму,—
Я власть и свободу
Вернула ему:
Потоками крови онъ землю зальетъ,
Народъ свой погубить—и снова падетъ!

ВТОРОЙ ГОЛОСЬ.

Плылъ въ морѣ корабль, точно птица летѣлъ:
Въ эту ночь ему горестный выпалъ удѣлъ.
Ни мачтъ, ни снастей, ни вѣтриль, ни руля—
Ничего отъ него не оставила я.
Одинъ лишь пловецъ,—онъ достоинъ того,—
До побережья достигъ,—я щадила его:
Предатель, пиратъ, снова будетъ онъ жить,
Чтобы мнѣ своей темною жизнью служить.

ПЕРВАЯ ПАРКА,

отвѣчая.

Спокойно спалъ городъ,—
Въ слезахъ и тревогѣ
Увидить онъ утро:
Медленно, мрачно
Чума распростерла
Надъ городомъ крылья.
Тысячи пали,
И тысячи тысячъ
Падутъ предъ всесильной.
Живые погибшихъ,—
Любимыхъ и милыхъ,—
Покинуть, спасаясь

Отъ призрака смерти.
Ужась и злоба,
Скорбь и смятенье
Охватятъ людей.
Блаженны почившіе,
Взоръ отвратившіе
Отъ кары моей!

Входятъ Вторая и Третья Парки.

ВСѢ ТРИ.

Въ рукахъ у насъ—сердца людей,
Нашъ слѣдъ—ихъ темныя могилы.
Лишь для того, чтобъ отнимать
Даемъ мы смертнымъ жизнь и силы.

ПЕРВАЯ ПАРКА.

Привѣтъ!—Гдѣ Немезида?

ВТОРАЯ ПАРКА.

На работѣ,
Но на какой—не знаю: я сама
Не покладала рукъ до сей минуты.

ТРЕТЬЯ ПАРКА.

Да вотъ она.

Входитъ Немезида.

ПЕРВАЯ ПАРКА.

Всѣ нынче опоздали.
Гдѣ ты была?

ТРЕТЬЯ ПАРКА.

Женила дураковъ,
Возстановляла падшіе престолы

И укрѣпляла близкіе къ паденю.
Внушала людямъ злобу, чтобъ потомъ
Раскаянемъ ихъ мучить; превращала
Въ безумцевъ мудрыхъ, глупыхъ—въ мудрецовъ,
Въ оракуловъ, чтобъ люди преклонялись
Предъ властью ихъ и чтобъ никто изъ смертныхъ
Не смѣлъ рѣшать судьбу своихъ владыкъ
И толковать спѣсиво о свободѣ,
Плодѣ, для всѣхъ запретномъ.—Но пора!
На облака—и въ путь! Мы опоздали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чертогъ Аримана.—А р и м а н ѣ на тронѣ — огненномъ шарѣ,
окрыжснномъ Ду х а м и.

Г И М Н Ѣ Д У Х О В Ъ.

Хвала ему,—хвала царю ээира,
Царю земли и всѣхъ земныхъ стихій,
Кто повергаетъ цѣлый міръ въ смятенье
Единымъ мановеніемъ руки!
Дохнетъ ли онъ—бушуютъ океаны,
Заговоритъ—грохочетъ въ небѣ громъ,
Уронитъ взоръ—на небѣ солнце меркнетъ,
Возстанетъ—сотрясается земля.
Въ пути ему предшествуютъ кометы,
Во слѣдъ ему—вулканы мечутъ огонь,
И гнѣвъ его сжигаетъ звѣзды въ пепель,
И тѣнь его—всесильная Чума.
Война ему, что день, приноситъ жертвы,
Смерть платитъ дань, и Жизнь, его раба,
Къ его стопамъ смиренно полагаетъ
Весь ужасъ мукъ и горестей земныхъ!

Входятъ Парки и Немезида.

ПЕРВАЯ ПАРКА.

Возславьте Аримана! На землѣ
Растетъ его могущество—покорно
Исполнили мы волю Аримана!

ВТОРАЯ ПАРКА.

Возславьте Аримана! Мы, предъ кѣмъ
Склоняетъ выю смертный, преклоняемъ
Свое чело предъ трономъ Аримана!

ТРЕТЬЯ ПАРКА.

Возславьте Аримана! Преклоняясь,
Мы ждемъ его велѣній.

НЕМЕЗИДА.

Царь царей!

Все, что живетъ, что существуетъ—наше,
А мы—твоя. Но чтобы наша власть
Могла расти, твою усугубляя,
Нашъ долгъ быть неустанными въ трудахъ,
И мы свой долгъ исполнили: мы свято
Свершили все, что повелѣлъ ты намъ.

Входить Манфредъ.

ДУХЪ.

Что вижу я? Безумецъ, жалкій смертный!
Пади во прахъ.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Я узнаю его.

Онъ грозный и могучій чернокнижникъ.

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Повергнись ниць и трепещи, презрѣнный!
Передъ тобой—и твой и нашъ владыка.
Ужели ты не видишь?

СОНМЪ ДУХОВЪ.

Сынъ земли!

Прострись во прахъ предъ трономъ Аримана,
Иль горе непокорному!

МАНФРЕДЪ.

Я знаю,

И все жъ не гну колѣнъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Тебя научать.

МАНФРЕДЪ.

Напрасный трудъ. Не разъ во мракъ ночи
Во прахъ я повергалъ свое чело,
Главу посыпавъ пепломъ. Не однажды
Извѣдалъ я всю горечь униженья,
Предъ собственнымъ отчаяньемъ склоняясь,
Предъ собственной скорбью.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Ты дерзаешь

Возстать на Аримана? Отказать
Владыкѣ въ томъ, что воздастъ покорно
Ему весь міръ? Не трепетать—и гдѣ же?
Предъ ужасомъ величія и славы,
Предъ трономъ Аримана? Ниць, безумный!

Пусть *Ариманъ* воздастъ хвалу Творцу,
 Кѣмъ созданъ онъ не ради поклоненья.
 Пусть онъ склонить главу: мы вмѣстѣ
 Склонимъ тогда.

ДУХИ.

Раздавимъ червяка!

Растопчемъ!

ПЕРВАЯ ПАРКА

Прочь!—Владыка силъ незримыхъ,
 Передъ тобою смертный, не похожій
 Ни на кого изъ смертныхъ, какъ объ этомъ
 Свидѣтельствуеть видъ его и то,
 Что онъ передъ тобой. Его страданья
 Безсмертны, какъ и наши; знанья, воля
 И власть его, поскольку совмѣстимо
 Все это съ браннымъ прахомъ, таковы,
 Что прахъ ему дивится; онъ стремился
 Душою прочь отъ міра и постигнуть
 То, что лишь мы, безсмертные, постигли:
 Что въ знаніи нѣтъ счастья, что наука—
 Обмѣнъ однихъ незнаній на другія.
 Но я еще не все сказала: страсти,
 Всесильныя и на землѣ и въ небѣ
 Надъ всѣмъ, что только существуетъ въ мірѣ,
 Такъ истерзали грудь его, что я
 Не знающая жалости, прощаю
 Того, въ чьемъ сердцѣ жалость онъ пробудить.
 Онъ мой—иль твой—но ни одинъ изъ духовъ
 Не равенъ съ нимъ и имъ владѣть не будетъ.

НЕМЕЗИДА.

Зачѣмъ онъ здѣсь?

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Пусть смертный самъ отвѣтитъ.

МАНФРЕДЪ.

Вы знаете, что властенъ я,—безъ власти
Я бъ не былъ здѣсь, но мнѣ не все покорно.
Я помощи прошу у васъ.

НЕМЕЗИДА.

Скажи,

Что хочешь ты?

МАНФРЕДЪ.

Заставь возстать усопшихъ.

НЕМЕЗИДА.

Великій Ариманъ! Что повелишь мнѣ?
Дозволишь ли?

АРИМАНЪ.

Да будетъ такъ.

НЕМЕЗИДА.

Кто долженъ
На мой призывъ покинуть мракъ могилы?

МАНФРЕДЪ.

Въ землѣ непогребенная—Астарта.

НЕМЕЗИДА.

Духъ, или Призракъ!
Ты, что была
Создана прахомъ
И въ прахъ отошла;
Ты, что утратила
Обликъ земной,—
Въ обликъ смертномъ
Возстань предо мной!
Сердце и очи,
Голосъ и ликъ
Вырви изъ жадной
Могилы на мигъ!
Возстань! Возстань отъ сѣни гробовой!
Тебя зоветъ убійца твой!
Призракъ Астарты появляется среди чертога.

МАНФРЕДЪ.

И это смерть? Румянецъ на ланитахъ!
Но не живой онъ,—странный и зловѣщій,
Какъ тотъ, что рдѣетъ осенью на листьяхъ.
Астарта!—Нѣтъ, я говорить не въ силахъ,
Вели заговорить ей: пусть она
Проститъ иль проклянетъ меня.

НЕМЕЗИДА.

Духъ, отвѣтствуй! Заклинаю
Властью неземной,
Тайной силой, что расторгла
Плѣнь могильный твой!

МАНФРЕДЪ.

Молчанье!

Оно страшнѣй отвѣта.

НЕМЕЗИДА.

Я свершила
Все, что могла. Великій Ариманъ
Тебѣ лишь покорится призракъ: повели ей
Открыть уста.

АРИМАНЪ.

Духъ, говори!

НЕМЕЗИДА.

Молчанье!
Безсильны мы,—надъ нею власть имѣютъ
Другіе духи. Смертный, покорись
Своей судьбѣ.

МАНФРЕДЪ.

Услышь меня, Астартя!
Услышь меня любимая! Отвѣть мнѣ!
Я такъ скорбѣлъ, я такъ скорблю—ты видишь:
Тебя могила меньше измѣнила,
Чѣмъ скорбь меня. Безумною любовью
Любили мы: намъ жизнь была дана
Не для того, чтобъ мы терзались вѣчно,
Хотя любить, какъ мы съ тобой любили,—
Великій грѣхъ. Скажи, что ты меня
Простила за страданья, что терплю я
Мученье за обоихъ, что за гробомъ
Тебя ждетъ рай, и что умру и я.
Всѣ силы тьмы противъ меня возстали,
Чтобъ къ жизни приковать меня на вѣки,
Чтобъ я передъ безсмертьемъ содрогался,
Предъ будущимъ, что можетъ быть подобно
Прошедшему. Мнѣ нѣтъ нигдѣ покоя.
Чего ищу, къ чему стремлюсь—не знаю,

Лишь чувствую, что ты и что я сама.
Предъ гибелью хоть разъ мнѣ дай услышать
Твой голосъ сладкозвучный: отзовись!
Я звалъ тебя среди безмолвья ночи,
Я спящихъ птицъ будилъ среди вѣтвей,
Звѣрей въ горахъ, и темныя пещеры
На тщетный зовъ, на сладкій звукъ: Астарта!
Мнѣ отвѣчали эхомъ,—духи, люди
Внимали мнѣ—лишь ты одна не внемлешь!
О, говори! Я жадными очами
Искалъ тебя среди небесныхъ звѣздъ.
О, говори! Я исходилъ всю землю
И не нашелъ нигдѣ тебѣ подобной.
Взгляни вокругъ—мнѣ бѣсы сострадають,
Я вижу адъ, но полонъ лишь тобою.
О, говори!—О, говори хоть въ гнѣвъ,
Но только дай хоть разъ тебя услышать,
Хоть только разъ!

ПРИЗРАКЪ АСТАРТЫ.

Манфредъ!

МАНФРЕДЪ.

О, несмолкай!

Вся жизнь моя теперь лишь въ этихъ звукахъ!

ПРИЗРАКЪ.

Манфредъ! Заутра ты покинешь землю
Прости!

МАНФРЕДЪ.

О, нѣтъ! Скажи, что ты простила.

ПРИЗРАКЪ.

Прости!

МАНФРЕДЪ.

Скажи—увидимся ли снова?

ПРИЗРАКЪ.

Прости!

МАНФРЕДЪ.

О, пощади: скажи, что любишь!

ПРИЗРАКЪ.

Манфредъ!

Исчезаетъ.

НЕМЕЗИДА.

Ушла—и вновь ея не вызвать.
Вернись къ землѣ. Слова ея свершатся.

ДУХЪ.

Онъ потрясенъ. Кто смертенъ, тотъ не долженъ
Искать того, что за предѣломъ смерти.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Да, но, взгляни, какъ онъ собой владѣетъ,
Свои мученья волѣ подчиняя!
Когда бъ онъ былъ однимъ изъ насъ, онъ былъ бы
Могучій духъ.

НЕМЕЗИДА.

Быть можетъ, ты желаешь
Спросить еще о чемъ-нибудь?

МАНФРЕДЪ.

О, нѣтъ.

Н Е М Е З И Д А .

Тогда прости на время.

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Развѣ снова
Мы встрѣтимся? И гдѣ же? На землѣ?
Но все равно. Я твой должникъ. Простите!

А К Т Ъ Т Р Е Т І Й .

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Зала въ замкѣ Манфреда.

Манфредъ и Германъ.

МАНФРЕДЪ.

Который часъ?

ГЕРМАНЪ.

Часъ до заката солнца,
И вечеръ обѣщаетъ быть прелестнымъ.

МАНФРЕДЪ.

Скажи, ты все ли приготовилъ въ башнѣ,
Какъ я велѣлъ?

ГЕРМАНЪ.

Все, господинъ, готово.
Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

МАНФРЕДЪ.

Хорошо.

Теперь иди.

Германъ уходитъ.

Миръ снизошелъ мнѣ въ душу,
 Миръ, мнѣ еще невѣдомый донинѣ
 И непонятный. Если бъ я не зналъ,
 Что самое обманчивое въ мирѣ
 Химеры философскихъ измышлений,
 Что мудрость ихъ—пустѣйшая изъ фразъ
 Въ учено-схоластическомъ жаргонѣ,
 Я, кажется, охотно бы повѣрилъ,
 Что золотыя грезы о Калонѣ
 Уже сбылись, что я его сыскалъ
 Въ себѣ самомъ. Мой миръ недолговѣченъ,
 Но все же хорошо его извѣдать
 Хотя однажды. Нужно записать,
 Что есть такое ощущение.—Кто тамъ?

Входитъ Германъ.

ГЕРМАНЪ.

Аббатъ Св. Мориса.

Входитъ Аббатъ.

АББАТЪ.

Миръ дому!

МАНФРЕДЪ.

Благодарю, святой отецъ! Да будетъ
 Для замка твоей приходъ благословенъ.

АББАТЪ.

Дай Богъ, чтобъ было такъ! Но я желалъ бы
 Поговорить глазъ на глазъ.

МАНФРЕДЪ.

Выйди, Германъ.

Что скажетъ мой достопочтенный гость?

АББАТЪ.

Скажу безъ предисловій: санъ, сѣдины,
Желаніе добра тебѣ и наше
Давнишнее сосѣдство, хотъ знакомы
И не были съ тобою мы, даютъ мнѣ
На это право. Станный и ужасный
Пронесся слухъ, и этотъ слухъ позорить
Твое, графъ, имя,—доблестное имя,
Которое ты долженъ для потомства
Такимъ же и оставить.

МАНФРЕДЪ.

Продолжай.

Я слушаю.

АББАТЪ

Ты, говорятъ, предался
Грѣховнымъ и таинственнымъ наукамъ,
Вступилъ въ союзъ съ сынами преисподней,
Съ нечистой силой демоновъ и бѣсовъ,
Блуждающихъ въ долину сѣни смертной.
Съ людьми, своими братьями по духу,
Общаешься ты рѣдко, жизнь проводишь
Въ уединеніи: свято ли оно?

МАНФРЕДЪ.

Скажи, кто распускаетъ эти слухи?

АББАТЪ.

Мои благочестивые собратья,
Окрестный людъ,—твои вассалы даже,

Что на тебя взирають съ безпокойствомъ.
Да мы и всѣ за жизнь твою трепещемъ.

МАНФРЕДЪ.

Возьми ее.

АББАТЪ.

Я прихожу спасать,
А не губить. Я не хочу касаться
Твоей души, но, если справедливы
Всѣ эти слухи, вѣрь, еще не поздно
Очиститься отъ скверны покаяньемъ
И примириться съ церковью и небомъ.

МАНФРЕДЪ.

Я выслушалъ. И вотъ что я отвѣчу:
Кто бъ ни былъ я, но я не избираю
Посредникомъ межъ мной и небесами
Ни одного изъ смертныхъ. Если я
Уставы нарушою—покарайте.

АББАТЪ.

Мой сынъ, я не о карѣ говорю,—
Я только призываю къ покаянью.
Пусть наказуетъ небо. „Мнѣ отмщенье“,
Сказалъ Господь, и, со смиреннымъ сердцемъ,
Рабъ Господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

МАНФРЕДЪ.

Старикъ!

Ни власть святыхъ, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкій постъ, ни жаркія молитвы,
Ни даже муки совѣсти, способной,

Безъ демоновъ, безъ страха предъ геенной,
Преобразить въ геенну даже небо,—
Ничто не въ состоянїи исторгнуть
Изъ нѣдръ души тяжелаго сознанья
Ея грѣховъ и сокровенной муки.
Та кара, что преступникъ налагаетъ
Самъ на себя, страшнѣй и тяжелѣе
Загробныхъ мукъ.

А Б Б А Т Ъ .

Я радъ все это слышать,
Затѣмъ, что все это должно смѣниться
Надеждой благодатной, что спокойно
Взираетъ на блаженную обитель,
Ее же всякій ищущій обрящетъ,
Коль скоро онъ покинетъ путь неправый.
Начало же спасенія—сознанье
Его необходимости. Покайся—
И всѣ грѣхи, что отпустить я властенъ,
Я отпущу,—что преподать сумѣю,
Все преподамъ.

М А Н Ф Р Е Д Ъ .

Когда несчастный Неронъ,
Чтобы избѣгнуть мукъ позорной смерти
Передъ лицомъ сенаторовъ, недавнихъ
Его рабовъ, ударилъ въ грудь кинжаломъ,
Какой-то воинъ, полный состраданья,
Прижалъ свой плащъ къ его смертельной ранѣ,
Но Неронъ оттолкнулъ его и молвилъ
Съ величіемъ во взорѣ: „слишкомъ поздно!“

А Б Б А Т Ъ .

Къ чему ты клонишь рѣчь?

МАНФРЕДЪ.

Я отвѣчаю

На твой призывъ къ спасеню: слишкомъ поздно!

АББАТЪ.

Нѣтъ, никогда не поздно примириться
Съ своей душой, а чрезъ нее и съ небомъ.
Иль у тебя нѣтъ никакихъ надеждъ?
Вѣдь даже тѣ, что въ небеса не вѣрятъ,
Живутъ какой-нибудь земной мечтой,
Прильнувши къ ней, какъ тонушій къ тростинкѣ.

МАНФРЕДЪ.

О, да, отецъ, и я лелѣялъ грезы,
И я мечталъ на утрѣ юныхъ дней:
Мечталъ быть просвѣтителемъ народовъ,
Достичь небесъ, зачѣмъ? Богъ вѣсть! быть можетъ,
Лишь для того, чтобъ снова пасть на землю,
Но пасть могучимъ горнымъ водопадомъ,
Что, съ высоты заоблачной свергаясь
Въ дымящуюся бездну, возстаеъ
Изъ бездны въ высь туманами и снова
Съ небесъ стремится ливнемъ.—Все прошло
И все это былъ сонъ.

АББАТЪ.

Но почему же?

МАНФРЕДЪ.

Я обуздать себя не могъ; кто хочетъ
Повелѣвать, тотъ долженъ быть рабомъ;
Кто хочетъ, чтобъ ничтожество признало
Его своимъ властителемъ, тотъ долженъ

Умѣть передъ ничтожествомъ смиряться,
Повсюду проникать и поспѣвать,
И быть ходячей ложью. Я со стадомъ
Мѣшаться не хотѣлъ, хотя бы могъ
Быть вожакомъ. Левъ одинокъ—я тоже.

А Б Б А Т Ъ.

Зачѣмъ не жить, не дѣйствовать иначе?

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Затѣмъ, что я всегда гнушался жизни.
Я не жестокъ; но я—какъ жгучій вихрь,
Какъ пламенный самумъ, что обитаетъ
Лишь въ тишинѣ пустынь и одиноко
Кружить среди ея нагихъ песковъ,
Въ ея бесплодномъ дикомъ океанѣ.
Онъ никого не ищетъ, но погибель
Грозитъ всему, что встрѣтитъ онъ въ пути.
Такъ жилъ и я; и тѣхъ, кого я встрѣтилъ
На жизненномъ пути,—я погубилъ.

А Б Б А Т Ъ.

Увы! Я начинаю опасаться,
Что я тебѣ помочь уже не въ силахъ.
Но ты еще такъ молодъ, я хотѣлъ бы—

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Святой отецъ! Есть люди, что старѣютъ
На утрѣ дней, что гибнуть, не достигнувъ
До зрѣлыхъ лѣтъ,—и не случайной смертью:
Иныхъ пороки, иныхъ науки губятъ,
Иныхъ труды, иныхъ томленья скуки,
Иныхъ болѣзни, безумье, а иныхъ—
Душевныя страданія и скорби.
Страшнѣе нѣтъ послѣдняго недуга:
Всѣ имена, всѣ формы принимая,

Онъ требуетъ гораздо больше жертвъ,
Чѣмъ значится въ зловѣщихъ спискахъ Рока.
Вглядись въ меня! Душевные недуги
Я всѣ позналъ, хотя довольно бѣ было
И одного. Такъ не дивись тому,
Что я таковъ, дивись тому, чѣмъ былъ я,
Тому, что я еще живу на свѣтѣ.

А Б Б А Т Ъ.

Но послушай—

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Отецъ, я уважаю
Твои года и званіе; я вѣрю
Что ты пришелъ ко мнѣ съ благою цѣлью,
Но ты предпринялъ тщетный трудъ. Быть грубымъ
Я не хочу,—я лишь тебя щажу,
А не себя, такъ рѣзко обрывая
Нашъ разговоръ—и потому—прости!

Уходить.

А Б Б А Т Ъ.

Онъ могъ бы быть возвышеннымъ созданьемъ.
Въ немъ много силъ, которыя могли бы
Создать прекрасный образъ, будь онъ
Направлены разумнѣе; теперь же
Царить въ немъ страшный хаосъ: свѣтъ и мракъ
Возвышенные помыслы—и страсти,
И все въ смѣшеніи бурномъ, все метется
Безъ цѣли и порядка; все иль дремлетъ
Иль разрушенія жаждетъ: онъ стремится
Къ гибели, но долженъ быть спасенъ,
Затѣмъ, что онъ достоинъ искупленія.
Благая цѣль оправдываетъ средства,
И я на все дерзну. Пойду за нимъ
Настойчиво, хотя и осторожно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Другая комната.

Манфредъ и Германъ.

ГЕРМАНЪ.

Вы, господинъ, велѣли мнѣ явиться
Къ вамъ на закатѣ: солнце ужъ заходитъ.

МАНФРЕДЪ.

Да?—Я взгляну.

Подходить къ окну.

Великое свѣтило!

Богъ первою данной, дѣвственной природы!
Кумиръ могучихъ первенцевъ земли,
Не вѣдавшихъ болѣзней,—исполиновъ,
Родившихся отъ ангеловъ и дѣвъ,
Сіявшихъ красотой неизреченной!
Царь межъ свѣтилъ, боготворимый міромъ
Отъ первыхъ дней творенія, вливавшій
Восторгъ въ сердца Халдейскихъ пастуховъ
И слышавшій ихъ первыя молитвы!
Избранникъ Неземного, что явило
Въ тебѣ свой свѣтлый образъ на землѣ!
Вѣнецъ и средоточіе вселенной,

Дающее небесную отраду
Всему, что прозябаетъ въ дольномъ мірѣ!
Владыка всѣхъ стихій и повелитель
Всѣхъ странъ земныхъ, повсюду положившій
Свои неизгладимыя печати
На духъ и обликъ смертныхъ! Ты, что всходишь,
Свершаешь путь и угасаешь въ славѣ!
Ты, видѣвшее нѣкогда мой первый
Взоръ, полный изумленья и восторга!
Прости навѣкъ,—прими мой взоръ послѣдній!
Въ послѣдній разъ тебя я созерцаю:
Твои лучи ужъ больше никогда
Не озарятъ того, кому даръ жизни
Былъ даромъ роковымъ.—Оно сокрылось:
Мой часъ насталь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Горы.-- Въ отдаленіи замокъ Манфреда.—Терраса передъ башней.—Сумерки.

Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда.

ГЕРМАНЪ.

Дивлюсь я графу: вотъ ужъ сколько лѣтъ,
Всѣ ночи онъ безъ сна проводитъ въ башнѣ—
И непремѣнно въ башнѣ. Я бывалъ въ ней,
Но по тому, что есть въ ней, не рѣшишь,
Чѣмъ занятъ онъ. Навѣрно, потайная
Есть комната, и сколько бы я отдалъ,
Чтобъ только заглянуть въ нее!

МАНУЭЛЬ.

Напрасно.
Доволенъ будь и тѣмъ, что ты ужъ знаешь.

ГЕРМАНЪ.

Ахъ, Мануэль, ты старше насъ и могъ бы
Поразказать намъ многое о замкѣ.
Когда ты поступилъ сюда?

МАНУЭЛЬ.

Давно.

Я до рожденья графа былъ слугою
Его отца, съ которымъ никакого
Онъ не имѣеть сходства.

ГЕРМАНЪ.

Что жъ, не рѣдкость!

МАНУЭЛЬ.

Я говорю не о чертахъ лица.
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но простъ и веселъ,
Любилъ пиры и битвы, а не книги,
Любилъ людей—и ночи превращалъ
Не въ бдѣнія угрюмая, а въ праздникъ,
Да вѣдь какой! Онъ не блуждалъ, какъ волкъ,
По дебрямъ и ущельямъ,—не чуждался
Земныхъ утѣхъ и радостей.

ГЕРМАНЪ.

Проклятье!

Вотъ были времена! И неужели
Они ужъ не вернутся въ эти стѣны,
Что смотрять такъ, какъ будто и не знали
Счастливыхъ дней?

МАНУЭЛЬ.

Пусть прежде перемѣнятъ
Владѣльца эти стѣны. О, я видѣлъ
Не мало въ нихъ диковиннаго, Германъ!

ГЕРМАНЪ.

Будь добръ и Расскажи хоть что-нибудь.

Мнѣ помнится, что возлѣ этой башни
Случилось что-то: ты мнѣ намекалъ.

М А Н У Э Л Ъ.

Былъ, видишь ли, точь въ точь такой же вечеръ,
Какъ и теперь; на Эйгерѣ краснѣла
Точь въ точь такая жъ тучка; вѣтеръ дулъ
Порывистый, и снѣжныя вершины
Ужъ заливала трепетнымъ сіяньемъ
Всходившая луна; графъ Манфредъ,
Какъ и теперь, былъ въ башнѣ; что онъ дѣлалъ,
Богъ вѣсть,—но только съ нимъ была
Та, что дѣлила всѣ его скитанья
И бдѣнія полночныя: Астарта,
Единственное въ мірѣ существо,
Которое любилъ онъ, что, конечно,
Родствомъ ихъ объяснялось—

Кто идетъ?

А Б Б А Т Ъ.

Гдѣ графъ?

Г Е Р М А Н Ъ.

Вотъ въ этой башнѣ.

А Б Б А Т Ъ.

Постучись,—

Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

Г Е Р М А Н Ъ.

Не смѣю

Я нарушать его уединенье.

АББАТЪ.

Но мнѣ его необходимо видѣть,
Я на себя возьму твою вину.

ГЕРМАНЪ.

Вѣдь ты его недавно видѣлъ.

АББАТЪ.

Германъ!

Ступай безъ разсужденій.

ГЕРМАНЪ.

Я не смѣю.

АББАТЪ.

Такъ я войду безъ всякаго доклада.

МАНУЭЛЬ.

Святой отецъ, постойте! Я прошу васъ.

АББАТЪ.

Но почему?

МАНУЭЛЬ.

Пожалуйте сюда,—

Благоволите выслушать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внутренность башни.

МАНФРЕДЪ, одинъ.

Сверкають звѣзды,—снѣжныя вершины
Сіяють въ лунномъ свѣтѣ.—Дивный видъ!
Люблю я ночь,—мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи
Ея спокойной, грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра.
Мнѣ помнится,—когда я молодъ былъ
И странствовалъ,—въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственнаго Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
Стояли кипарисы—и казалось,
Что ихъ кайма была на горизонтѣ,

А между тѣмъ лишь на полеть стрѣлы
Я былъ отъ нихъ.—Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растеть
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донинѣ,
Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.
И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость запустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ времени!
Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,
Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что донинѣ
Внушаетъ намъ невольный трепеть.—Странно,
Что вспомнилась мнѣ эта ночь сегодня;
Уже не разъ я замѣчалъ, какъ дико
Метутся наши мысли въ тѣ часы,
Когда сосредоточиться должны мы.

Входить А б б а т ѣ .

А Б Б А Т Ъ .

Я вновь къ тебѣ непрошеннымъ являюсь,
Но пусть мое смиренное стремленье

Помочь тебѣ—не прогнѣвить тебя:
Пусть все, что есть въ немъ темнаго, дурнаго,
Падеть лишь на меня, а все благое—
Да осѣнить твою главу,—я страстно
Сказать хотѣлъ бы: *сердце!* Если бѣ тронуть
Я могъ его молитвой иль словами,
Я спасъ бы духъ, который лишь случайно
Блуждаетъ въ тьмѣ.

МАНФРЕДЪ.

Напрасная надежда!
Мой путь свершенъ, моя судьба рѣшилась.
Но уходи,—тебѣ здѣсь быть опасно.

АББАТЪ.

Ты хочешь запугать меня?

МАНФРЕДЪ.

О, нѣтъ.

Я говорю лишь, что близка опасность.
Остерегись.

АББАТЪ.

Чего?

МАНФРЕДЪ

Гляди сюда!

Ты видишь?

АББАТЪ.

Нѣтъ.

МАНФРЕДЪ.

Гляди, я повторяю,
И пристально. Теперь скажи,—ты видишь?

АББАТЪ.

Я вижу, что встаетъ изъ-подъ земли,
Какъ адскій богъ, какой-то мрачный призракъ;
Его лицо закрыто покрываломъ,
Онъ весь повитъ тяжелыми клубами
Свинцовой мглы, но онъ не страшенъ мнѣ.

МАНФРЕДЪ.

Я знаю, что тебя онъ не коснется,
Но взоръ его убьетъ тебя на мѣстѣ,—
Ты старъ и дряхль,—уйди, прошу тебя!

АББАТЪ.

А я въ отвѣтъ: доколѣ не сражуся
Съ исчадьемъ тьмы,—не сдѣлаю и шагу.
Зачѣмъ онъ здѣсь?

МАНФРЕДЪ.

Да—да, зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто звалъ его? Онъ гость никѣмъ не званный.

АББАТЪ.

Погибшій смертный! Страшно и подумать,
Что ждетъ тебя! Съ какою цѣлью ходятъ
Къ тебѣ такіе гости? Почему
Вы смотрите такъ зорко другъ на друга?
А, онъ покровъ свой сбросилъ: на челѣ—
Слѣды змѣистыхъ молній, взоръ блистаетъ
Безсмертіемъ геенны—адскій призракъ,
Исчезни!

МАНФРЕДЪ.

Духъ, зачѣмъ ты здѣсь?

ДУХЪ.

Идемъ!

АББАТЪ.

Невѣдомый! Скажи, отвѣтствуй: кто ты?

ДУХЪ.

Его Судьба. Идемъ,—настало время.

МАНФРЕДЪ.

О, я на все готовъ, но презираю
Твой властный зовъ! Кѣмъ присланъ ты сюда?

ДУХЪ.

Узнаешь въ срокъ. Идемъ!

МАНФРЕДЪ.

Мнѣ покорялись

И болѣе могучіе, чѣмъ ты,
Я велъ борьбу съ владыками твоими,—
Сгинь, адскій духъ!

ДУХЪ.

Настало время, смертный,
Смирись.

МАНФРЕДЪ.

Я зналъ и знаю, что настало.
Но не тебѣ, рабу, отдамъ я душу.
Прочь отъ меня! Умру, какъ жилъ,—одинъ.

ДУХЪ.

Я помощи потребую.—Возстаньте!

Появляются Духи.

А Б Б А Т Ъ.

Исчезните, владыки тьмы! Разсѣйтесь!
Безильны вы предъ силою небесной,
Я закляну васъ именемъ—

Д У Х Ъ.

Старикъ!

Не расточай безъ пользы словъ,—мы знаемъ,
Что властенъ ты, но здѣсь лишь мы владыки.
Напрасенъ споръ: онъ кары не избѣгнетъ.
Вновь говорю: идемъ, настало время!

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Я презираю васъ,—я съ каждымъ вздохомъ
Теряю жизнь, но презираю васъ!
Я не смирюсь, покуда сердце бьется,
Не отступлю, хотя бы мнѣ пришлось
Бороться съ цѣлымъ адомъ; вамъ удастся
Взять не меня, а только трупъ.

Д У Х Ъ.

Безумецъ!

Какъ жадно онъ цѣпляется за жизнь,
Которая дала ему лишь муки!
И это Магъ, стремившійся проникнуть
За грань земныхъ предѣловъ и мечтавшій
Быть равнымъ намъ?

М А Н Ф Р Е Д Ъ.

Исчадье тьмы, ты лжешь!

Мой часъ насталь,—я это зналъ и знаю,
Но не хочу ни на одно мгновенье
Продлить его: тебѣ съ толпою присныхъ

Противлюсь я, а не велѣнья мѣ смерти.
Я власть имѣлъ, но я обязанъ ею
Быль не тебѣ: своей могучей волѣ,
Своимъ трудамъ, своимъ ночамъ безсоннымъ
И знаніямъ тѣхъ дней, когда Земля
Людей и духовъ въ братствѣ созерцала
И равными считала ихъ.—Безсильны
Вы предо мной,—я презираю васъ,
Вы жалки мнѣ!

ДУХЪ.

Ты не избѣгнешь кары:
Твои грѣхи—

МАНФРЕДЪ.

Не ты судья грѣхамъ!
Караешь-ли преступника преступникъ?
Убийцу тать? Сгинь, адскій духъ! Я знаю,
Что никогда ты мной не овладѣешь,
Я чувствую безсиліе твое.
Что сдѣлалъ я, то сдѣлалъ; ты не можешь
Усилить мукъ, въ моей груди сокрытыхъ:
Безсмертный духъ самъ судъ себѣ творить
За добрыя и злыя помышленья.
Меня не искушалъ ты и не могъ
Ни искушать, ни обольщать,—я жертвой
Твоей донинѣ не былъ—и не буду.
Сгубивъ себя, я самъ и покараю
Себя за грѣхъ. Исчадье тьмы, разсѣйтесь!
Я покоряюсь смерти, а не вамъ!

Духи исчезаютъ.

АБАТЪ.

Увы, ты страшенъ—губы посинѣли—
Лицо покрыла мертвенная блѣдность—

Въ гортани хрипѣ.—Хоть мысленно покайся!
Молись—не умирай безъ покаянья!

МАНФРЕДЪ.

Все кончено—глаза застлалъ туманъ—
Земля плыветъ—колышется. Дай руку—
Прости навѣкъ.

АББАТЪ.

Какъ холодна рука!
О, вымолви хоть слово покаянья!

МАНФРЕДЪ.

Старикъ! Повѣрь, смерть вовсе не страшна.

Умираеть.

АББАТЪ.

Онъ отошелъ—куда?—страшусь подумать—
Но отъ земли онъ отошелъ навѣки.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихотворенія:

	<i>Стр.</i>
Канунъ купалы	3
Полюсъ	5
Жизнь	6
Хризантемы	8
* Жасминъ	9
Въ порту	10
Сапанъ	12
* Иней	17
Русская весна	18
Одиночество.	20
Послѣ битвы.	22
Портретъ	23
Невольникъ	24
Мира.	26
Въ плавняхъ	27
Тлѣнь	28
Перекрестокъ	29
Съ обрыва	30
На дачѣ	31
На ущербѣ	32
Морозъ.	34
Сѣверная береза	35

* Звѣздочкой обозначены добавленія.

* Одинъ	36
Бальдеръ	37
Диза	38
Надпись на чашѣ	40
Печаль	41
Огни небесъ	42
* Статуя	43
Могила поэта	44
Призраки	45
Неугасимая лампада	46
Вершина	47
Развалины	48
Тропами потаенными	50
Дома	51
Кольцо	52
Пѣсня	54
Запустѣніе	55
Дѣтская	59
Косогоръ	60
Въ лѣсу	61
Рѣчка	62
* Пахарь	63
* Двѣ радуги	64
* Закатъ	65
Чужая	66
Новый годъ	68
Тѣнь	70
Новая весна	72
Огонь на мачтѣ	73
Мертвый часъ	74
Въ открытомъ морѣ	75
Апрѣль	76
Изъ окна	77
Дѣтство	78

Разливъ	79
Сказка	80
Поморье	82
Подъ вечеръ	84
Донникъ	85
Розы	86
Теремъ	88
Сквозь вѣтви	90
Сентябрь	91
Келья	92
Судра	93
У шалаша	94
На маякѣ	95
Голуби	96
Ольха	98
Горе	100
Утренникъ	101
Огонь	102
Въ горахъ	104
Старикъ	105
Сумерки	106
Олень	107
Змѣя	108
Небо	109
На виноградникѣ	111
Передъ бурей	112
Штиль	113
Послѣ дождя	114
Съ острой	115
Океаниды	116
Дюны	117
На бѣлыхъ пескахъ	118
Стонъ	119
* Въ горной долинѣ	120

Каменная баба	121
Мистику	122
Эсхиль.	124
Самсонъ	125
Ормуздъ	126
У береговъ М. Азіи	127
Потопъ	128
Агни	130
Столпъ огненный.	131
День гнѣва	132
Сынъ человѣческій	134
* Сонъ.	136
Эльбурсъ	137
Атлантъ	138
Золотой неводъ	140
Новоселье.	141
Дагестанъ	142
Послушникъ	143
Хая-Башъ.	144
На обвалѣ	146
Въ крымск. степяхъ	147
Алушта ночью	148
Айя-Сафія.	149
Къ Востоку	150
Путеводные знаки.	151
Пастухи	152
Миражъ	154
Черный камень.	156
Мудрымъ	157
Зеленый стягъ	158
Св. прахъ.	160
За измѣну.	161
Авраамъ	162
Ночь Аль-Кадра.	163

* Сатана Богу	164
Джины.	165
Зейнабъ	166
Склонъ горъ	167
Бѣлыя крылья	169
Гробница Сафін.	170
Тэмджидъ	172
Тайна	174
Птица	176
Манфредъ	177